Г.Ю. Мазинг,
Л.Ф. Ерусалимчик

Березина, год 1812-й

Г. Ю. Мазинг,

Л. Ф. Ерусалимчик

БЕРЕЗИНА, ГОД 1812-Й

МИНСК «ПОЛЫМЯ» 1991

Рецензент:
старший научный сотрудник
Института истории АН БССР,
кандидат исторических наук П. О. Лойко

Мазинг Г. Ю., Ерусалимчик Л. Ф.
Березина, год 1812-й. – Минск: Полымя, 1991. – 127 с.: ил.

Примерно в 15 километрах севернее Борисова, на обоих берегах Березины стоят памятники. Это свидетельства происходивших здесь давних событий.

О баталиях на Березине в 1812 г., о ратном подвиге участников разгрома наполеоновской армии, о памяти народной рассказывает эта книга.

Рассчитана на широкий круг читателей.

ОТ АВТОРОВ

Отечественная война 1812 г. оставила немало глубоких следов на белорусской земле. Салтановка, Островно, Клястицы, Кобрин, Городечно, Полоцк – здесь в июле-августе враг впервые почувствовал силу сопротивления русских воинов, увидел их стойкость и храбрость. Заметную роль сыграла Бобруйская крепость, которая оказалась непреодолимым препятствием на пути неприятеля.

Но, пожалуй, более других мест Белоруссии соприкоснулись с пламенем войны Борисов и его окрестности, прилегающие к Березине.

Между тем сражениям в этом районе за много лет не было посвящено ни одного популярного издания, ни одного серьезного путеводителя. Лишь в 1893 г. в Санкт-Петербурге вышла книга с почти таким же, как у нас, названием – «Березина. 1812». Она принадлежит перу историка В. И. Харкевича и представляет собой военно-историческое исследование, не рассчитанное на массового читателя.

В начале века увидел свет 37-й том «Актов Виленской археографической комиссии». Он целиком посвящен 1812 г., причем почти все помещенные в нем документы относятся к политическим и социально-экономическим событиям в Борисовском уезде. Однако сухой язык актов лишь констатировал, но не отражал динамики военных перипетий у Студенки.

Неоспоримый интерес представляет работа известного белорусского краеведа В. Г. Краснянского «Город Борисов и Борисовский уезд в Отечественную войну 1812 г.» (Гродно, 1914), но она давно стала библиографической редкостью.

В многочисленных публикациях наших дней об Отечественной войне 1812-го события на Березине освещены, как правило, скупо, как бы мимоходом. Отношение же к знаменитой переправе было и остается неоднозначным. Кто судит о ней только по основному результату – разгрому многотысячной армии Наполеона, кто делает акцент на крупном просчете русского командования, упустившего возможность захватить в плен могущественного императора и его ближайших военных соратников. Существуют и другие мнения, но, вероятно, нет смысла вступать здесь в полемику. Изгнание захватчиков и победа в войне – вот главное и впечатляющее достижение российских народов.

В предлагаемой читателю книге мы решили рассказать о последних сражениях двух армий на белорусской земле, об участниках боев и о том отзвуке, который вызвала знаменитая переправа в памяти народной.

Стремясь по крупицам восстановить факты и события давно минувших дней, авторы пользовались как отечественными, так и зарубежными источниками (польскими и французскими) – архивными и музейными документами, мемуарами участников войны и пр. Список литературы, помещенный в конце книги, носит рекомендательный характер и не отражает полноты использованного материала.

Полагаем, что события исторической осени 1812 г. привлекут внимание современников, тех, кто видит в Березине не только водную артерию, но и часть нашей истории и памяти.

РЕДУТЫ У РЕКИ

Когда замысел Наполеона двинуть свои войска на Россию стал очевидным, в русском государстве началось строительство укреплений на предполагаемых путях движения вражеской армии. Было решено создать три мощных опорных пункта: в Риге, Бобруйске и Киеве, а в других местах разместить более мелкие оборонительные сооружения.

Бобруйскую крепость и предмостное укрепление у Борисова предполагалось построить на берегах Березины.

На строительство Бобруйской крепости направили лучших военных инженеров. Они выполнили все работы очень быстро, и войну крепость встретила надежными фортификациями. К этому надо добавить обеспеченный боеприпасами артиллерийский парк в 360 орудий. Не хватало артиллеристов, но к орудиям встали саперы и инженерные офицеры.

Нашествие началось 24 июня*. Основным вражеским силам противостояли две русские армии. Им, однако, пришлось отойти на восток. К Витебску следовала 1-я армия под командованием М. Б. Барклая-де-Толли, 2-я – под командованием П. И. Багратиона вначале занимала линию фронта от Гродно до реки Мухавец с главной квартирой в Волковыске. Чтобы отрезать ей пути отхода на восток, Наполеон направил из Вильно на Минск корпус численностью более 50000 человек под командованием Даву.

Багратион выступил из Волковыска к Новогрудку 29 июня, но, узнав, что французы уже достигли Воложина, повернул на Мир и Несвиж, дабы через Слуцк, Бобруйск и Могилев выйти на соединение с Барклаем-де-Толли.

На пути движения Багратиона лежала водная преграда – Березина. Успех операции во многом зависел от того, как будет преодолена река русскими и их преследователями. Вот тут-то и сыграла решающую роль Бобруйская крепость.

Военный губернатор Бобруйска генерал-майор Игнатьев предпринял все возможное, чтобы облегчить движение русской армии. Заготовив необходимые запасы продовольствия и фуража, он часть их направил на подводах навстречу войскам. Были сделаны приготовления для пополнения запасов на последующий этап движения. Крепость стала надежным пристанищем армии Багратиона после тяжелых маршей. Под прикрытием мощных стен переправиться через Березину удалось без особого труда.

Зато для неприятеля Бобруйская крепость явилась непреодолимым препятствием, которое задержало его продвижение и заставило изменить маршрут следования. Решающие бои войска Багратиона с основными силами французского корпуса Даву произошли 22-23 июля возле деревни Салтановки, близ Могилева. Но в этом сражении не смогли принять участие те неприятельские подразделения, что шли по пятам за русской армией. Так, кавалерийский корпус Латур-Мобура, не получив возможности пройти через Бобруйск, двинулся вверх по Березине, переправился возле местечка Березино и достиг Могилева только 5 августа. Шесть дней спустя после боев со стороны

* Все даты даны по новому стилю.

Игумена (ныне Червень) в Могилев прибыл корпус наполеоновской армии под командованием генерала Понятовского.

Таким образом, стойкая оборона Бобруйской крепости в значительной степени способствовала соединению армии Багратиона с 1-й русской армией. Стратегический замысел Наполеона потерпел крах, а это, как известно, оказало большое влияние на последующий ход военных операций и итог войны. Адъютант главнокомандующего русскими войсками М. И. Кутузова генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский (впоследствии видный военный историк) утверждал, что «ни одна крепость в России не была столь полезна, как Бобруйск в 1812 г.».

По-иному в первый период войны сложилась судьба другого фортификационного сооружения на Березине – Борисовского предмостного укрепления, задуманного как заслон на большой дорого с запада через Минск на Москву. Для строительства тет-де-пона (так на французский манер называли в то время подобные сооружения) в феврале 1812 г. в Борисов прибыла команда саперов во главе с подполковником Н. Г. Сазоновым. Вначале почти на километр вырубили по обеим сторонам дороги лес, оголив местность перед будущим сооружением. Затем стали насыпать земляные валы. Планировалось построить два редута – сомкнутые квадратные полевые укрепления, окруженные валом с наружным рвом. Редуты соединялись ретраншементом – внутренней оборонительной оградой.

Тет-де-пон не успели достроить. А когда началась война, сооружение оказалось бесполезным, т. к. основные силы противника, перейдя Неман, направились на Москву значительно севернее Борисова – через Вильно, Полоцк, Витебск.

Уныло высились борисовские редуты над Березиной, застыв большими грудами понапрасну потревоженной земли.

…Прогремела жестокая битва под Бородино – одно из величайших сражении в истории войн. Горькими воспоминаниями обжигали душу россиян пять недель пребывания наполеоновских захватчиков в Москве. Большинство москвичей покинуло город. Созданные горожанами отряды совершали смелые операции, нападая на оккупантов и уничтожая их. Крестьянские отряды тоже наносили большой урон неприятельским войскам: устраивали засады, прятали провиант и т. д. Московские пожары, превратившие в груды развалин и пепел здания и продовольственные склады, оставили французов без крова и пищи.

Оказавшись в критическом положении, Наполеон 18 октября покинул Москву. Началось отступление, перешедшее вскоре в бегство.

…Тем временем ненастный октябрь прикрыл снежной пеленой борисовские редуты, уже три месяца находившиеся в руках оккупантов. Предчувствуя недоброе, французское командование пыталось уничтожить предмостное укрепление. По приказу полковника де Беарна борисовская городская подпрефектура обязана была ежедневно направлять на ликвидацию редутов не менее 200 человек из окрестных деревень. Но саботаж крестьян остановил работы.

Пробьет час, и борисовскому тет-де-пону доведется сыграть важную роль в военной эпопее 1812 г. Это будет чуть позднее, когда Березина преградит путь отступающему императору.

ЗАСЛОН НА ПУТИ ОТСТУПЛЕНИЯ

Нелегким было отступление французского императора. Хотя слыл он выдающимся полководцем, обладал мастерством стратегии и маневренной тактики, хотя не раз прибегал к военной хитрости, вывести свои войска из пределов России ему оказалось не по плечу. Наполеон потерпел поражение под Вязьмой, под угрозой окружения выбирался из Смоленска, били его армию под Красным. Впереди предстояло преодоление Березины.

И здесь вновь путь на запад французам преградили русские войска. Самой боевой в канун войны 1812 г. считалась Дунайская (Молдавская) армия, солдаты которой в течение шести лет не разряжали ружей – шли непрерывные военные действия против турок. Под командованием прославленного полководца М. И. Кутузова Дунайская армия одержала ряд блестящих побед. В 1811 г. в сражении под Рущуком она нанесла турецкой армии сокрушительное поражение. Следствием этих побед явилось согласие Турции подписать мирный договор с Россией, по условиям которого к России отходили Бессарабия и участок Черноморского побережья с городом Сухуми. Но главный выигрыш от Бухарестского мира* состоял в том, что он опрокидывал расчеты Наполеона использовать Турцию в войне с Россией.

После заключения мирного договора Дунайская армия, насчитывавшая около 32000 человек при 180 орудиях, оказалась не у дел. Начавшаяся Отечественная война заставила использовать ее для боевых действий против Наполеона. К этому времени командование армией принял начальник Черноморского флота адмирал П. В. Чичагов.

* Договор с Турцией был подписан в Бухаресте.

Михаил Илларионович Кутузов

Наполеон Бонапарт

Конкретные боевые задачи перед Дунайской армией поставил М. И. Кутузов, назначенный 8 августа главнокомандующим русскими армиями. Еще до вступления в эту должность он написал письмо Чичагову с предложением воздействовать на правый фланг противника.

В то тяжелое время, когда основные силы русских, отступая к Москве, находились под Дорогобужем, Кутузов разрабатывал грандиозные планы совместных стратегических действий русских армий, разобщенных огромными пространствами. Далеко на западе, под Луцком, оставались 35000 человек под командованием А. П. Тормасова. Они сражались против наполеоновских корпусов, возглавляемых Ренье и Шварценбергом, общей численностью 51000 человек. Кутузов и послал Чичагова на помощь Тормасову.

Длительный марш Дунайской армии с берегов Дуная до Луцка закончился 18 сентября соединением ее с армией Тормасова, в результате чего противник, понеся значительные потери, был отброшен за реку Буг.

Потом Тормасова отозвали в штаб Кутузова, и командование объединенными силами двух армий принял Чичагов. В октябре он получил предписание занять фронт по реке Березине и преградить отступавшему Наполеону путь на запад.

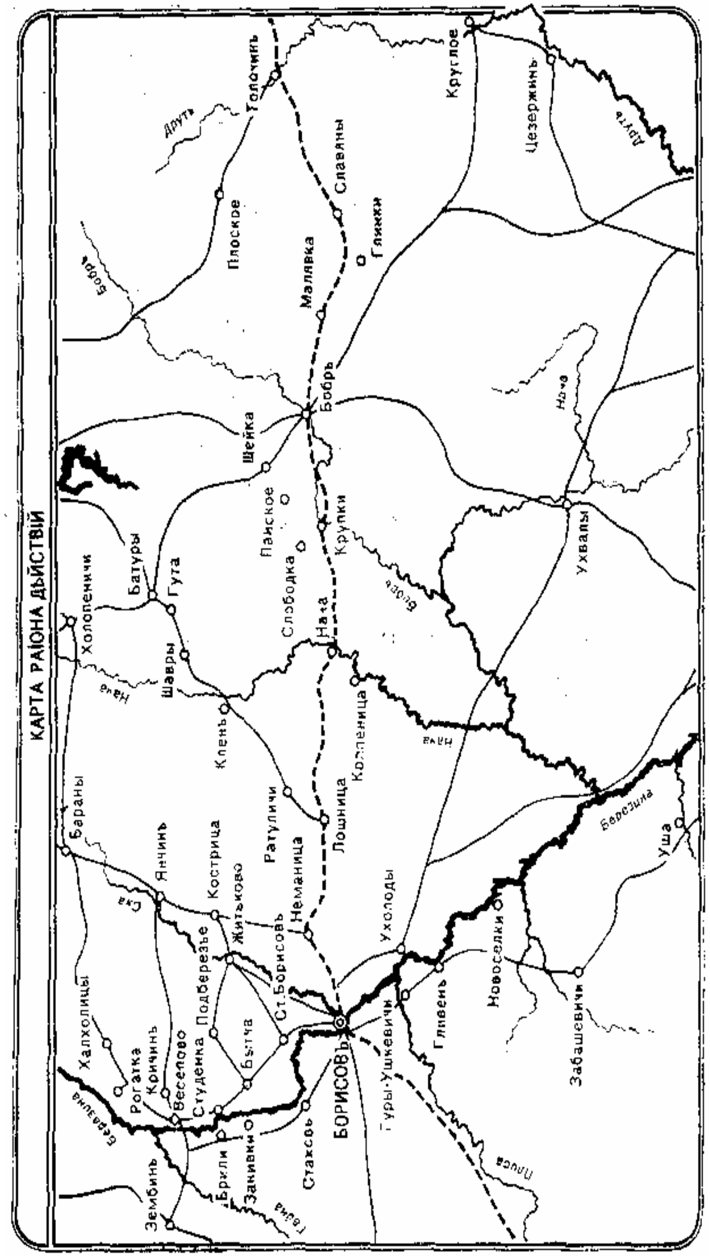
Оставив 27000 человек под командованием Ф. В. Сакена держать фронт против корпусов К. Шварценберга и Ж. Ренье, Чичагов с войском в 36000 человек направился к Березине. По пути русские солдаты столкнулись с вражеским отрядом, которым командовал генерал А. Косецкий. 15 ноября в скоротечном сражении у местечка Койданово сопротивление противника было подавлено, в плену оказался целый полк во главе с командиром.

16 ноября Чичагов вступил в Минск. Губернатор города Брониковский сбежал с остатками разгромленного французского гарнизона в Борисов. Там группа уцелевших солдат и офицеров соединилась с войсками под командованием генерала Домбровского.

Тем временем Чичагов послал из Минска навстречу неприятелю авангард во главе с генералом К. О. Ламбертом. 20 ноября авангард Дунайской армии находился в 20 километрах западнее Березины, в районе Жодино. Утомленные длительным переходом и стычками с противником войска нуждались в отдыхе, но Ламберт не дал передышки. От захваченного в плен наполеоновского офицера стало известно, что одна из вражеских дивизий под командованием генерала Домбровского, расквартированная в здешних местах, спешит к борисовским редутам, чтобы занять их и удержать переправу через Березину до подхода главных сил наполеоновской армии. Случайно оказавшийся в штабе Ламберта военный инженер, участвовавший весной в строительстве редутов, нарисовал их план и предупредил, что если неприятель захватит укрепление, штурмовать его будет трудно. И авангард Дунайской армии, совершив в непроглядной тьме беспримерный марш-бросок, за час до рассвета подошел к борисовскому тет-де-пону.

Однако к тому времени фортификационные сооружения уже были заняты дивизией Домбровского. Правда, противник не изготовился к обороне, а расположился внутри укреплений на отдых в походном построении. Когда 14-й егерский полк Дунайской армии во главе с А. И. Красовским приблизился к правому редуту, французский часовой принял его за отставшую колонну своих войск и не поднял тревоги. Захватив спящего врага врасплох, русские овладели укреплением почти без потерь.

Зато 38-й егерский полк, чуть позднее начавший

Карта района действий

атаку на левый редут, встретил сопротивление. Ламберт послал в подкрепление егерей 7-го полка. Оба полка возглавил генерал-майор Энгельгардт. Этот человек прежде служил в провиантском департаменте и был судим за какие-то провинности. Однако в бою он показал пример бесстрашия: лично повел в атаку солдат, вместе с ними ворвался в редут и был сражен там вражеской картечью.

Итак, оба редута – в руках русских. Но Домбровский не хотел примириться с их потерей и решил отбить, используя части, что были на подходе. Одна колонна наступала с севера, из деревни Дымки. Она стала заходить в тыл 14-му полку Красовского. Вторая, состоявшая из пехоты и кавалерии, приближалась с юга, со стороны деревень Гора и Юшкевичи. Ночью она шла в арьергарде дивизии Домбровского, поотстала и не успела соединиться с дивизией и войти в укрепление. Положение русских осложнялось еще и тем, что значительные силы неприятеля находились в ретраншементе, т. е. во второй линии укрепления.

Против подходивших с севера и юга наполеоновских частей Ламберт послал резервные полки. Они остановили вражеские походные колонны и, не позволив им развернуться к бою, обратили в бегство.

Теперь оставалось взять ретраншемент. На приступ пошли 13-й и 38-й егерские полки, но потерпели неудачу. При этом получил ранение Ламберт.

Подоспел с 1-й конно-артиллерийской ротой полковник Магденко. Установив орудия на левом редуте, он открыл сокрушительный картечный огонь по неприятелю. Красовский собрал егерские полки, усилил их резервными подразделениями и повел в штыковую атаку. Вражеские солдаты были частью убиты, частью захвачены в плен.

Остатки дивизии Домбровского спасались бегством, стремясь уйти за Березину. Тут в бой вступила кавалерия. Вслед за отступавшими поскакали драгуны Арзамасского и гусары Александрийского полков. Преследование продолжалось на длинном мосту, перемежаемом гатями, через широкую пойму Березины. Неприятель старался остановить кавалеристов на подступах к городу. Однако едва установленная у городских ворот пушка сделала первый выстрел, как оказалась захваченной наступавшими. Русские кавалеристы проскакали по улицам Борисова и выехали на его восточную окраину. Здесь, на лугу возле мельницы у реки Схи, Домбровский пытался собрать и построить остатки своей дивизии. Но неодолимый наступательный порыв двух русских полков в мгновение ока смел построения противника, который в панике бежал по Московскому тракту к деревне Лошнице.

В четыре часа пополудни закончилось начатое на рассвете сражение. Противник потерял около 2000 убитыми и ранеными, в плену оказалось более 2500 человек. Был смертельно ранен начальник кавалерии генерал Дзеваневский. Трофеи состояли из 2 знамен и 8 пушек. Потери авангарда Дунайской армии – около 1000 убитыми и ранеными.

Четверть века спустя Михайловский-Данилевский так писал об этих событиях: «Был свершен славный подвиг, важность коего по сю пору не оценили достойным образом, потому что в свое время не сумели извлечь из него «надлежащую пользу»». Под «надлежащей пользой» он разумел пленение на Березине Наполеона.

Итак, путь отступления Наполеона к Минску, где в период оккупации французы сделали крупные запасы продовольствия, был прегражден. Теперь ему предстояло изворачиваться, искать окольные пути на запад. Назревала и реальная угроза пленения импера-

Карл Осипович Ламберт

ратора. Приближаясь к Березине, он решал задачу, как выйти из кольца, которое грозило вот-вот сомкнуться. Решению этой задачи способствовали, к сожалению, излишние самоуверенность и беспечность адмирала Чичагова.

ПРОМАХ АДМИРАЛА

В тот день, когда армия Чичагова утвердилась на берегах Березины, Наполеон в Орше переправлялся через Днепр. Только на следующий день в Толочине на расстоянии трехдневного перехода до Борисова император получил с нарочным известие о том, что русские овладели предмостными укреплениями на Березине, преградив ему путь на Минск. По свидетельству Ф. П. Де-Сегюра, адъютанта Наполеона, император при этом известии в гневе ударил тростью о землю и, указав на небо, закричал: «Стало быть, там наверху написано, что в нынешнем походе нам суждено совершать одни глупости!» Затем он приказал собрать все боевые знамена и сжечь их в его присутствии.

Что же собой представляла в то время наполеоновская армия, которая на момент ухода из Москвы (18 октября) насчитывала в своих рядах 110000 человек?

Воинов под ружьем на подступах к Орше было всего 11 тысяч, не считая толп безоружных людей, что плелись, поотстав от своих частей. Значит, на пути к Березине армия противника потеряла около 90% своего исходного состава. Как видно из диаграммы, наибольшие потери пришлись на сражения после Смоленска.

Велики были и потери лошадей. Число спешенных кавалеристов превысило 1800. Имели лошадей толь-

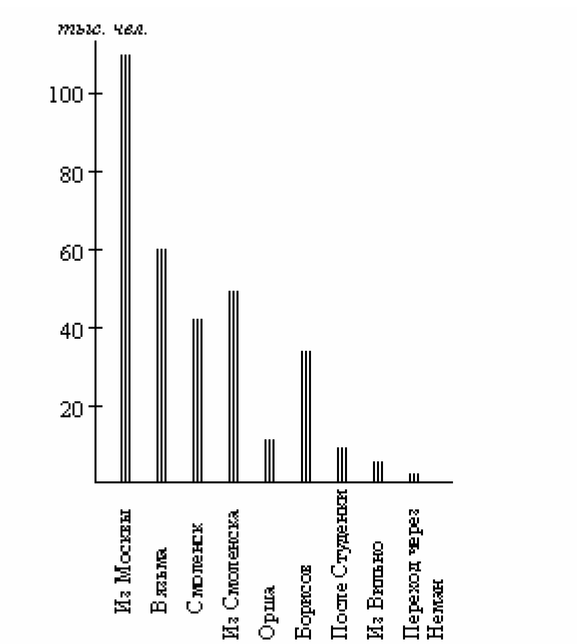

Диаграмма численности наполеоновской армии при бегстве из России

ко 500 офицеров. Чтобы получить хотя бы одну боеспособную кавалерийскую единицу, их объединили в эскадрон, который Наполеон назвал «священным». Это была его опора, его защита.

Однако теперь, на подходе к Березине, Наполеон мог рассчитывать на значительное пополнение своих рядов. На соединение с ним с севера шли корпуса маршалов Удино и Виктора, насчитывавшие к тому времени около 20000 человек. Их присоединение увеличивало численность наполеоновской армии втрое.

Откуда появились такие резервы?

Дело в том, что еще в июле, осуществляя наступление на московском направлении, Наполеон выделил для боевых действий на своем левом фланге корпус Удино численностью в 40000 человек и оставил его под Полоцком. В противовес ему командующий 1-й русской армией Барклай-де-Толли оставил для прикрытия дорог, ведущих на Петербург, войско под командованием генерала П. Х. Витгенштейна в 30000 человек.

31 июля авангард Витгенштейна под командованием бесстрашного генерала Кульнева нанес сильное поражение войску Удино, отбросив его к Полоцку. Понесенные в боях потери заставили Удино отказаться от дальнейших попыток продвинуться на север. Более того, чтобы стабилизировать обстановку на этом участке. Наполеону пришлось направить сюда корпус Сен-Сира, и общая численность этого фланга достигла 65000 человек.

И все же положение под Полоцком вплоть до середины октября существенно не изменилось. В то же время силы Витгенштейна возросли до 40000 за счет народного ополчения, прибывшего из Петербурга, и регулярных частей, переброшенных из Финляндии. А силы противника из-за потерь в боях сократились до 30000.

18 и 19 октября, как раз в те дни, когда Наполеон со своей армией выступил из Москвы, русские войска под Полоцком перешли в решительное наступление и штурмом овладели городом. При этом был ранен Сен-Сир. Удино отошел на Чашники. Корпус Сен-Сира отступил на соединение с резервным корпусом Виктора, который подошел к нему на помощь из

Петр Христианович Витгенштейн

Смоленска. Объединившиеся у Лукомля под командованием Виктора, оба корпуса насчитывали 36000 человек. Новая атака русских принесла потери французам, Виктор вынужден был отойти к Черее и прибыл туда 6 ноября.

7 ноября отряд, направленный Витгенштейном на Витебск, взял город штурмом, захватил в плен большую часть его гарнизона.

Корпуса Удино и Виктора, хотя и понесли немалые потери в последних боях, все же представляли еще боеспособные формирования. У них была кавалерия, даже кирасиры. Присоединение этих корпусов, а также частей, что несли гарнизонную службу в Белоруссии, значительно повысило возможности наполеоновской армии вести активные боевые действия.

Наполеон приказал Удино выступить в авангарде отступавшей армии, т. е., опередив ее, идти на Борисов. Виктору было предложено следовать в арьергарде, прикрывая отход.

В местечке Бобр произошла встреча корпуса Виктора с отступавшей армией. Солдаты Виктора не верили своим глазам, когда вместо прежних бравых полчищ, направлявшихся на Москву, они увидели «толпы призраков, одетых в лохмотья, женские шубы, куски ковров или грязные плащи, обгорелые и продырявленные выстрелами, призраков, ноги которых были обернуты всякими тряпками» (так описал эту встречу Де-Сегюр).

Наполеон негодовал. Он направил Удино приказание атаковать Дунайскую армию, втоптать ее в Березину и во что бы то ни стало овладеть борисовским мостом или отыскать переправу через реку в другом месте. Послание заканчивалось словами: «В столь важных обстоятельствах Император полагается на ваше усердие и личную вашу к нему преданность» (Де-Сегюр).

Павел Васильевич Чичагов

А Дунайская армия? Что произошло с ней после того, как она вышла к Березине?

Командующий армией адмирал Чичагов расположился со своим штабом в Борисове, который в те времена представлял собой небольшой массив деревянных построек в углу между сходом болотистых долин Березины и впадающей в нее чуть южнее города речки Схи.

Русское командование после занятия Борисова проявило поразительную беспечность. Двое суток не высылали разъездов. 3000 кавалеристов отправились на заготовки фуража вверх по реке. Лишь поздно вечером 22 ноября вместо раненого командующего авангардом армии генерала Ламберта был назначен генерал-майор Пален. Наутро 23 ноября он повел солдат из Борисова по Московскому тракту на восток, к деревне Лошнице, расположенной в 18 километрах от города.

Тем временем двигавшийся на запад корпус Удино повстречал бежавшие в панике остатки разбитых под Борисовом дивизий Домбровского и Брониковского. Удино, предупрежденный ими об опасности, произвел боевое построение своих войск с артиллерией во главе и встретил показавшуюся из лесу походную колонну русских сильным орудийным огнем. Вслед за этим в дело вступила конница. Для немногочисленного русского отряда столкновение с большими силами противника явилось полной неожиданностью. Тем не менее эскадрон Александ-рийских гусар самоотверженно устремился в атаку. Кавалеристы врезались в самую гущу французской конницы, но пали в неравном сражении. Зажатые со всех сторон на узкой лесной дороге колонны авангарда не смогли развернуться к бою и под натиском французов начали отходить к Борисову.

Нужно было подумать об обороне города. Князь

Щербатов установил возле мельничной плотины на речке Схи батарею, чтобы преградить врагу путь к городу. Казалось, удачно выбранная позиция обещала успех. Однако получилось иначе. Отступавшие части авангарда стали переходить Сху вброд значительно выше плотины. Неприятель, который следовал за ними по пятам, также воспользовался бродом и вскоре ворвался в Борисов с северо-востока. Войска в городе были совершенно не подготовлены к отражению противника. Второпях седлали лошадей, закладывали экипажи, снаряжали обозы, оставив при отходе немало армейского имущества (среди трофеев, доставшихся французам, оказался столовый серебряный сервиз Чичагова, разговор о котором еще будет). Остановить дальнейшее продвижение неприятеля русские смогли только тем, что отступили за Березину и подожгли мосты.

Так в результате непростительной беспечности адмирала Чичагова Борисов оказался в руках французов. Однако успех Удино нельзя назвать абсолютным. Маршал не достиг главной цели, поставленной Наполеоном: не смог захватить мост через Березину, а Дунайская армия, понеся сравнительно небольшие потери (около 600 человек убитыми), по-прежнему владела правым берегом реки и преграждала врагу продвижение на запад.

Переночевав в Лошнице, Наполеон 25 ноября направился к Березине. «...Мы с трудом двигались из Орши к Борисову по широкой дороге, обсаженной двойным рядом больших берез; приходилось пробираться по талому снегу, по глубокой жидкой грязи. Слабейшие из нас потонули в ней; эта же грязь задержала и выдала казакам тех из раненых, которые, полагая, что морозы установились навсегда, променяли на сани свои повозки в Смоленске» (Де-Сегюр).

На полпути между Лошницей и Борисовом, где-то вблизи деревни Неманицы, полководец сошел с лошади, стал на краю дороги. Мимо него проходило французское воиско. Как непохож был этот войсковой смотр на прежние, когда в блеске амуниции двигались стройные колонны, оглашая воздух приветственными криками: «Да здравствует император!» Теперь в угрюмом молчании, спотыкаясь, по схваченной морозом дорожной грязи брели вразброд толпы измученных, оборванных людей. Наполеон глядел на них в каком-то оцепенении, пока прибывший гонец от Удино не вывел его из забытья. Удино сообщал, что к северу от Борисова, возле деревни Студенки найдено подходящее место для переправы.

Как удалось обнаружить переправу?

В начале ноября из Вильно на подкрепление Удино выступила легкая кавалерийская бригада французского генерала Корбино. Она двигалась по правобережью Березины и рассчитывала перейти реку в Борисове. Узнав, что Борисов занят русскими, Корбино изменил маршрут, намереваясь обогнуть город значительно севернее. Проводник указал брод у Студенки. Кавалеристы переправились через реку и встретили офицеров из корпуса Удино, разыскивавших место для переправы. Благополучный переход через реку бригады Корбино убедил их в том, что лучшей переправы не найти.

Являлась ли эта находка для наполеоновской армии выходом из создавшегося положения?

Расположение и состав противоборствующих сил на 25 ноября были таковы. Армия Чичагова прочно преграждала путь через Березину у Борисова и держала фронт вниз и вверх от него по реке общей протяженностью около 80 километров. При такой ширине контролируемого участка реки русские имели все основания полагать, что наполеоновская армия не в состоянии будет ее форсировать.

С севера, со стороны Лепеля, наперерез отступавшей армии шел корпус Витгенштейна численностью в 40000 человек.

Кутузов, достигнув Днепра, предоставил своим главным силам несколько дней отдыха, абсолютно необходимого после безостановочного движения от самого Тарутина, а в особенности после ожесточенных боев под Красным. Однако для преследования отступавшего неприятеля Кутузов дополнительно выделил отряд в 20000 человек ко главе с генералом М. А. Милорадовичем, который следовал за арьергардом наполеоновской армии, отстав от него на один переход. На флангах французов, а часто и опережая их, двигался со своими казачьими отрядами М. И. Платов.

Таким образом, все нити увязывались под Борисовом в один тугой узел, выпутаться из которого, обеспечить переправу в Студенке можно было только с помощью какого-нибудь отвлекающего маневра. И Наполеон сделал на него ставку. По указанию императора Удино направил вниз по реке отряд солдат и обоз с бревнами. Лорансе, начальник штаба корпуса Удино, собрал в Борисове местных торговцев и, якобы под большим секретом, стал расспрашивать о дорогах, ведущих на Минск южнее Борисова. Тем большее доверие проявил к этим расспросам Чичагов, когда о них стало известно через лазутчиков. У него, как и рассчитывал Наполеон, возникло подозрение, что французская армия намеревается переправляться через Березину южнее Борисова. Подозрение, перешедшее затем в уверенность, не было абсолютно абсурдным, как это потом вменялось в вину Чичагову. Он, вероятно, руководствовался следующими соображениями. Направившись на север от Борисова, Наполеон шел бы навстречу Витгенштейну, направившись на юг, уходил бы от него.

Ряд весьма важных мыслей в пользу такого домысла приводит в своих «Военных запусках» герой войны 1812 г. Денис Давыдов. Допуская возможность форсирования Наполеоном Березины, он предполагал «направление неприятельской армии от Борисова к Минску, потому что путь сей есть самый кратчайший из путей, идущих к Варшаве; что на нем она имела в виду соединение с корпусами Шварценберга и Ренье, отчего армия его могла снова возвыситься до 130000 человек; что посредством пути сего она могла избежать бокового преследования нашего, столь для него до Березины пагубного, и итти краем, несомненно менее опустошенным, нежели Виленский, по которому кругообращались все транспорты оных с начала войны».

Заметим, что отдавая Удино распоряжение о поисках переправы, Наполеон не исключал возможность ее южнее Борисова. Эти соображения и мнимые сведения о намерениях противника побудили Чичагова стягивать силы своей армии к югу от Борисова.

25 ноября главные силы французов вступили в Борисов. Выйдя на восточный берег реки, Наполеон воочию убедился в том, о чем ему говорил нарочный в Толочине: Березина возле Борисова была словно озеро, покрытое плывущими льдинами. Извивы основного русла, рукава и старицы при осеннем паводке объединились в широкий разлив, затопивший всю низменную луговую долину. Через долину вели гати и мост длиною более полукилометра, в трех местах уже разрушенный. А за рекой, на ее западном коренном берегу, высились редуты, на которых расположились русские батареи. О форсировании этой водной преграды ввиду таких укреплений нечего было и помышлять.

Несколько часов провел Наполеон в ближайшем от реки доме над развернутой столистной картой, а ве-

Матвей Иванович Платов

чером вместе с гвардией вышел из Борисова и направился к Студенке. На ночлег он расположился в поселке Старо-Борисов, в усадьбе барона Корсака, управляющего борисовскими имениями польско-литовского магната Радзивилла*.

Здесь Наполеон провел тревожную ночь с 25 на 26 ноября. Спать не ложился. Часто выходил из дома, вглядывался в красные огоньки в стане русских за широкой поймой Березины. Пламя костров его успокаивало: значит, русские продолжают стоять на месте, значит, не подозревают о приготовлениях к переправе в Студенке, не замечают концентрации в ней неприятельского войска. Огни горели до утра.

26-го, едва рассвело, Наполеон поспешил в Студенку, куда всю ночь и следующий день подходила его армия из Борисова.

А что в это время предпринимал Чичагов?

25 ноября, на рассвете, в тот самый день, когда Наполеон прибыл в Борисов, Чичагов, оставив в районе редутов часть своих войск, с основными силами отправился вниз по Березине.

Создалась необычайно странная ситуация. В то время, когда Наполеон устремился на север, к Студенке, Чичагов пошел на юг. Вечером того же дня, когда Наполеон прибыл в Старо-Борисов, Чичагов расположился со своим штабом в Забашевичах, в 23 километрах южнее Борисова. Начав перемещение на юг, Чичагов велел генералу Е. И. Чаплицу, отряд которого находился напротив Студенки, идти в Борисов. Только небольшая группа под командованием генерала П. Я. Корнилова была оставлена для на-

---

* Старожилы Борисова помнят вместительный деревянный дом, за которым утвердилось прозвище «домик Наполеона». В 1944 г. он был сожжен отступавшими гитлеровцами.

Ефим Игнатьевич Чаплиц

блюдения за участком фронта от Зембина, что в 7 километрах севернее Студенки, до деревни Стахов – в 7 километрах южнее ее.

Позже французский генерал Рапп вспоминал: «Мы прибыли в главную квартиру Удино на рассвете... Император, поговорив несколько минут с маршалом и закусив, отдал приказания. Ней отозвал меня в сторону и, когда мы вышли, сказал мне по-немецки: «Наше положение неслыханное; если Наполеон выпутается сегодня, в нем сидит сам черт». Мы испытывали большое беспокойство, да и было от чего. Подошедший к нам король неаполитанский казался не менее озабоченным. «Я предложил Наполеону, – сказал он, – спастись самому, переправившись через реку в нескольких лье отсюда... но он отталкивает эту мысль, не желая о ней и слышать. Что касается до меня, то я не думаю, чтобы мы могли вывернуться». Мы все трое были того же мнения. Мюрат продолжал: «Мы все тут погибнем, не может быть и речи о сдаче».

Разговаривая, мы заметили, что неприятель уходит: его сомкнутые части исчезли, огни потухли; виднелся только хвост колонн, исчезавший в лесу, и пять-шесть сотен казаков, рассыпавшихся в равнине. Мы принялись рассматривать в подзорную трубу и убедились, что лагерь был снят. Я отправился к Наполеону, который разговаривал с маршалом Удино. «Ваше величество! Неприятель очистил позицию». Наполеон ответил: «Это невозможно!» Вошедшие в эту минуту король неаполитанский и маршал Ней подтвердили принесенное мной известие. Император вышел из лачуги и, бросив взгляд на противоположный берег реки, воскликнул: «Я обманул адмирала? Он меня предполагает в том пункте, где я приказал демонстрировать...» (Де-Сегюр).

Теперь ближайшая задача Наполеона состояла в

Петр Яковлевич Корнилов

том, чтобы захватить плацдарм на правом берегу реки и навести мосты.

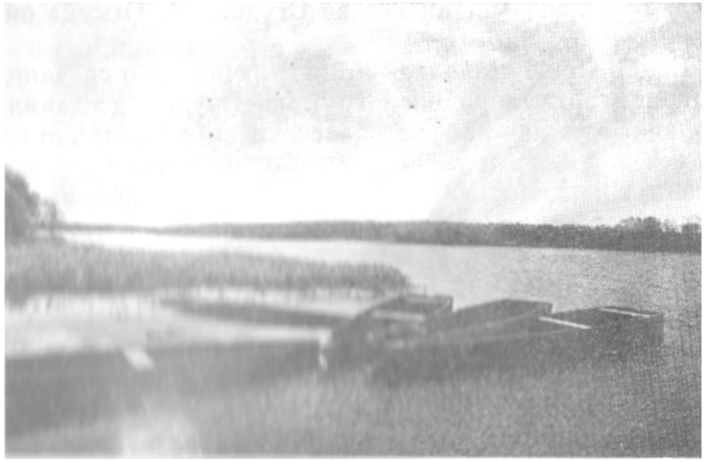
Здесь следует откровенно признать, что решить эту задачу помог промах обманутого адмирала Чичагова. Его недальновидность, медлительность, неумение организовать оперативную разведку привели к тому, что не был разгадан замысел врага. Резонно заметить: адмиралу лучше было бы воевать на море, а не на суше. Не удивительно, что именно по этому поводу великий баснописец написал: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник».

МОСТЫ ГЕНЕРАЛА ЭБЛЕ

Ширина Березины в месте, назначенном для переправы, составляла около 90 метров. Когда переправлялась бригада Корбино, глубина не превышала полутора метров. Но из-за оттепели, стоявшей последние дни, уровень воды поднялся, и на середине реки глубина достигала двух метров.

На правом низменном берегу простирался болотистый луг, за которым на значительном удалении от Березины на пологой возвышенности раскинулась деревня Брили. Там располагались основные силы генерала Корнилова: 28-й и 32-й егерские полки, два казачьих полка, Павлоградский гусарский полк и конно-артиллерийская рота.

Прежде чем строить переправу, Наполеону необходимо было захватить участок на правом берегу. Решение этой задачи облегчалось большим превосходством его сил над силами русских, остававшихся к тому времени за рекой. Хотя многие из соединений наполеоновской армии находились на марше, в Студенку прибыло войско в 14000 человек – это бо-

Река Березина у деревни Студенки

лее чем вдвое превышало численность противостоявшего отряда Корнилова.

Наполеон приказал кавалеристам бригады Корбино форсировать реку вплавь. При этом каждый всадник вез на крупе своей лошади по одному пехотинцу. Затем на двух наскоро сколоченных плотах в 20 приемов переправили еще 400 солдат.

Дважды Корнилов посылал адмиралу Чичагову донесения: 25 ноября – о скоплении войск неприятеля в Студенке и 26-го – о готовящейся переправе. Оба раза ответа не получил и вынужден был в сложной обстановке полагаться только на собственные силы.

Хуже всего у него обстояло дело с артиллерией. К тому же для нее трудно было выбрать позиции на болотистом лугу. В подзорную трубу Корнилов рассмотрел батарею из 40 пушек, установленную французами на возвышенности за Студенкой. Откуда она появилась?

Еще в Орше Наполеон принял решение о создании ударной артиллерийской группы. Орудия доставили с флангов, из частей, не участвовавших в сражениях. А чтобы довезти пушки к месту переправы через Березину, реквизировали у населения лошадей и значительное их количество забрали из понтонного парка.

Корнилов же смог выдвинуть к реке только четырехпушечную батарею капитана Арнольди. Ее удалось расположить лишь на значительном удалении от берега, так что выпущенные ядра едва достигали середины реки. После первых же выстрелов русских орудий открыла огонь сорокапушечная французская батарея. Под ожесточенным вражеским огнем русским пришлось сменить позицию. Корнилов, не имея возможности ответить должным образом на артиллерийский огонь неприятеля, отвел свои войска на 2 километра к лесу южнее деревни Брили. Там он развернул орудия и преградил французам путь на юг, к Стахову и Борисову.

Наведение переправы через неширокую реку, какой является Березина у Студенки, не представляло бы особых трудностей и заняло бы не более двух часов, если бы Наполеон сохранил свой понтонный парк, с которым он выступал в поход на Россию. Этот парк, оставленный в Орше, не участвовал в дальнейшем продвижении армии. Когда Наполеон при отступлении достиг Орши, он приказал понтоны сжечь, а лошадей передать артиллерии. Однако командир понтонеров генерал Эбле все же сохранил две походные кузницы, две повозки с углем и шесть фур с инструментом и гвоздями. Как вспоминали очевидцы, одна фура была наполнена снятым с оставленных колес железом, из которого он на всякий случай

Жан Эбле

велел ковать скобы. Эбле всем пожертвовал, чтобы сохранить это слабое средство, и оно спасло армию.

Строили два моста – один для пехоты, другой для обозов и артиллерии. При сооружении мостов устанавливали через каждые 4 метра устои в виде козел. На устои моста для обозов, общим числом 23, укладывали настил из кругляков диаметром в 3-4 дюйма (80-100 мм) длиною в 5 метров. Настил моста для пехоты состоял из трех рядов тонких досок, снятых с кровель крестьянских изб. Постройку козел для мостов по распоряжению Удино начали раньше, но изготовленные из тонких стволов свежесрубленных деревьев, они оказались весьма непрочными. Тогда решили строить козлы из бревен все тех же крестьянских изб. Это привело к полному разрушению Студенки. Поверх настила мосты устилались пенькой и сеном.

Мосты наводили в невероятно трудных условиях: понтонерам приходилось работать по плечи в холодной воде, среди льдин. Но несмотря на то, что многие умирали от переохлаждения и изнеможения, работа не прекращалась ни на мгновение – место выбывших немедленно занимали другие.

К часу дня мост для пехоты был построен. Вскоре он заколыхался под тяжестью колонн корпуса Уди-но. Наполеон, пропуская мимо себя войска, стоял у входа на мост. Второй мост закончили к четырем часам дня.

Оказавшись на правом берегу, Удино первым делом послал отряд на разведку к Зембину. Севернее Брилей, за Веселовом, начиналась широкая болотистая пойма реки Гайны, правого притока Березины. Через глубокие и топкие болота, не замерзающие в самые суровые зимы, по деревянным мостам и бревенчатым гатям проходила дорога на местечко Зембин. Сохранность мостов и гатей на дороге в Зембин

очень беспокоила Наполеона. В случае их повреждения его армия уперлась бы в преграду, преодолеть которую было бы, пожалуй, сложнее, чем переправиться через Березину.

Разведчики Удино нашли Зембинские дефиле (так называлась в военных донесениях и приказах того времени дорога на Зембин) невредимыми. Узнав об этом, Наполеон сказал своей свите, указывая на небо: «Моя звезда опять взошла!»

Итак, пока обстоятельства благоприятствовали наполеоновской армии. Но главные события ждали впереди. Русский солдат еще не сказал решающего слова. Теперь ему предстояло боевыми действиями исправить оплошность командующего Дунайской армией.

ЖАРКИЕ ДНИ В СТУДЕНКЕ

Южнее и западнее деревни Брили на десятки верст простирался огромный лесной массив. Через лес шел узкий проселок на деревни Стахов, Дымки, а затем за борисовскими редутами выходил на Минский тракт. Части генерала Корнилова оседлали этот проселок и сдерживали натиск корпуса Удино: на дороге артиллеристы установили орудия и вели огонь по всем направлениям, в снегу за деревьями залегли егеря и открыли пальбу из ружей. Французы не смогли продвинуться ни на шаг. К этому времени генерал Чаплиц, узнав о переправе, вернулся с основной частью отряда из Борисова. С его помощью Корнилов отстоял занятый рубеж до ночи.

Смерклось. Однако перестрелка не прекращалась. Сгустившийся под деревьями мрак прорезали вспышки пороховых затравок на ружейных полках. По этим вспышкам русские артиллеристы распознавали скопления вражеских солдат и направляли туда огонь орудий. С воем устремлялись на неприятеля пушечные ядра, круша на своем пути мелколесье и сучья вековых сосен. От грохота пальбы осыпались с деревьев снежные хлопья. Однажды французы подкрались к батарее и кинулись на нее толпою в атаку, но были сметены картечными залпами.

К вечеру через реку переправился сводный корпус Нея. Маршал принял командование над всеми французскими войсками, находившимися на правом берегу. Ему было приказано во что бы то ни стало отстоять позицию, занятую Удино.

День 26 ноября Чичагов провел в бездействии в деревне Забашевичи, в 45 километрах от места боев. Правда, адмирал послал казачий отряд на разведку за Березину. Казаки проехали немало населенных пунктов, но нигде не встретили противника. Ничего не дал и опрос местных жителей. Вдруг в одну из деревень прискакал из-под Бобруйска неприятельский эскадрон улан. Французы разбрелись по селу, стали кормить лошадей и тут их атаковали казаки. Захватили в плен 40 человек, а у командира эскадрона нашли письменное распоряжение – идти к Борисову и выше по Борезине, где быть переправе. Об этом уже поздно вечером доложили Чичагову. Убедившись в своем промахе, адмирал утром следующего дня выступил с основными силами армии из Забашевич и направился к Борисову.

На правом берегу Березины, в районе Брилей, 27 ноября сохранялось относительное спокойствие. Русские не предпринимали атак, ожидая прибытия армии из-под Борисова. Французы, радуясь, что русские их не тревожат, занимались своим делом. В час пополудни на правый берег переправился Наполеон с гвардией и расположился со штабом в хуторе Занивки. Одновременно переправлялся по грузовому

Иван Васильевич Сабанеев

мосту императорский обоз. Ней сформировал колонну кавалерии из всех, у кого оставались верховые лошади, – от генерала до солдата.

Ночь на 28 ноября Чичагов провел близ Борисова. Наутро он послал в подкрепление Чаплицу 9-ю и 18-ю пехотные дивизии. Сам, однако, предпочел остаться в Борисове. Во главе подкрепления поставил начальника штаба генерала И. В. Сабанеева. По утверждению очевидцев, Чичагов напутствовал его словами: «Иван Васильевич, я во время сражения не умею распоряжаться войсками, примите команду и атакуйте неприятеля» (Денис Давыдов).

Чаплиц и Корнилов, не дождавшись подкрепления, начали боевые действия имевшимися к их распоряжении силами. Не доходя до места сражения, Сабанеев развернул в стрелковую цепь более половины своих сил. Однако Ней уже бросил в атаку конницу. Французские кавалеристы прорвались сквозь цепь застрельщиков и нацелились на растянутую походную колонну подходивших стрелков Сабанеева. Положение оказалось критическим. В этот момент Чаплиц повел в атаку два эскадрона павлоградских гусаров. Гусары врубились в ряды неприятельской конницы, опрокинули ее и обратили в бегство.

Затем в продолжение целого дня сражались стрелки. Обе стороны несли большие потери, то продвигаясь вперед, то возвращаясь назад.

Узкая лесная дорога позволяла установить близ выхода из леса только два орудия. Каждая пара орудий не в состоянии была продержаться под непрерывным вражеским огнем более часа: выходили из строя и люди, и лошади. Поэтому стреляли посменно, меняя пушки и прислугу. Артиллеристы Арнольди совершили беспримерный подвиг; не жалея своих жизней, они отстояли дорогу на Стахов и Борисов –

единственный путь через непроходимые заречные леса над Березиной.

Кровопролитные бои в лесу продолжались до 11 часов вечера 28 ноября. Об ожесточенности сражения говорят потери с обеих сторон: погибло более 5000 французов и около 2000 русских.

А как развивались события у левобережной деревни Студенки?

В ночь на 27 ноября генерал Витгенштейн находился от нее на расстоянии примерно 18-20 километров. Он выступил из Кострицы наутро, получив к этому времени донесение о том, что Наполеон переправляется в Студенке через Березину. Казалось бы, туда и следовало генералу вести свой корпус. Но он принял другое решение: пошел на Борисов, оставив Студенку в стороне, справа.

Почему Витгенштейн так поступил?

Вот что пишет известный военный историк Карл Клаузевиц, находившийся в то время при штабе корпуса Витгенштейна: «Несомненно, в основе этого лежала известная робость, заботливость об ограждении своего корпуса от неудачи, и в этом отношении с генерала Витгенштейна нельзя снять известной ответственности за то, что Наполеону удалось ускользнуть».

Чем вызывалась эта робость, нерешительность командующего корпусом? Как объясняет тот же Клаузевиц, она в значительной мере обусловлена переоценкой сил противника: «Хотя было известно, что французы понесли огромные потери, но думали, что эти потери будут достаточно верно учтены, если из общего числа в 300000 человек, прошедших по этой дороге три месяца назад, все же признать уцелевшими 60000 боеспособных солдат. Последние официальные данные, имевшиеся относительно численности неприятельской армии, относились ко времени, предшествовавшему боям под Красным... а огромные потери, понесенные неприятелем, во время и после этих боев, точно установить было невозможно... в главной квартире Витгенштейна полагали, что имеют перед собой армию в 90000-100000 человек, тогда как теперь мы знаем, что она равнялась приблизительно 30000».

О личности Витгенштейна Клаузевиц отзывался так: «Генерал Витгенштейн был человек за 40 лет.... его уму недоставало некоторой ясности, а деятельность его не отличалась выдающейся энергией».

Витгенштейн боялся, что, во всяком случае, в первые дни боев окажется один на один с объединенными силами наполеоновской армии. Ведь главные войска русских в то время не принимали непосредственного участия в преследовании Наполеона, даже авангард поотстал. Армия Чичагова находилась за Березиной.

Боязливость Витгенштейна усугублялась тем, что он явно робел перед полководческим гением Наполеона. Вопреки последним событиям, над ним довлела былая слава непобедимости французского полководца. И если ранее Витгенштейн одержал ряд блестящих побед над французами под Полоцком и Витебском, то теперь генерал не хотел рисковать приобретенной славой, не хотел быть побитым Наполеоном.

Вот почему 27 ноября он повел свой корпус не той дорогой.

К этому времени командующий арьергардом наполеоновской армии Виктор прошел с двумя дивизиями к Студенке. оставив в Борисове генерала Партуно. Французам необходимо было удержать город, чтобы обеспечить подход войск к Студенке и препятствовать установлению связи между войсками Чичагова, Витгенштейна и авангарда Кутузова.

Егор Иванович Властов

В 3 часа дня авангард корпуса Витгенштейна, возглавляемый полковником Е. И. Властовым, подошел от деревни Житьково к Старо-Борисову. Дивизии Виктора уже миновали эти места и приближались к Студенке. Властов настиг и разгромил их последнюю колонну. Взятые в плен показали, что в Борисове осталась дивизия Партуно, которой приказано держаться до вечера.

Властов перекрыл дорогу на Студенку и стал дожидаться приближения Партуно. Походные колонны дивизии появились еще засветло. Увидев боевые порядки русских, Партуно попытался пойти напролом, но был отброшен. Властов послал к нему парламентера с предложением сдаться. Партуно отказался. Он рассчитывал, что следующей ночью двинется по поросшей мелколесьем пойме Березины и обойдет фронт Властова слева. Однако маневр не удался. Как вспоминал сам Партуно, «окруженные со всех сторон вражескими огнями, изнемогая от голода, усталости и стужи, едва не утонув в озере, которое только что замерзло и было от нас скрыто темнотою и снегом, мы положили оружие».

Теперь уже Партуно отправил к русским парламентера. 28 ноября в семь часов утра его дивизия признала свое поражение (пленено 5 генералов, более 8000 солдат и офицеров, 800 немецких кавалеристов, захвачены 3 пушки).

В этот же день к Борисову подошли с востока Матвей Платов и Александр Сеславин. Сеславин ворвался в город первым. Вот что пишет об этом Денис Давыдов: «...сей отважный неутомимый партизан, открыв сообщение с графом Витгенштейном, получил от него повеление во что бы то ни стало подать руку адмиралу Чичагову через Борисов. Исполнение немедленно последовало за повелением. Борисов был

занят Сеславиным; три тысячи человек взято им в плен, и сообщение с Чичаговым открыто».

Позднее Чичагов доносил Кутузову: «Имея честь получить предписание вашей светлости... обязанностию поставляю донести, что гвардии капитан Сеславин, действительно, первый занял город Борисов и открыл сообщение со мною генерала от кавалерии графа Витгенштейна, доставя от него в то же время письменное ко мне об его движении и предположении уведомление; равным образом и сдача в плен нескольких тысяч неприятеля была следствием занятия им сего города, и соединенного действия с вверенною мне армиею корпуса графа Витгенштейна».

Через Березину был наведен понтонный мост, и в Борисове состоялась встреча Чичагова и Витгенштейна, которая положила начало координации их боевых действий.

Еще до завершения капитуляции дивизии Партуно отряд Егора Властова направился к Студенке, опрокинул боевое охранение французов и подошел к позиции, занятой Виктором. Войска Виктора располагались за ручьем, протекавшим в поросшей кустарником лощине. На левом крыле находилась конница. На возвышении установлены пушки. Властов бросил против центра обороны Виктора пехоту, против французской конницы направил казаков. Воспользовавшись тем, что неприятель сосредоточил все внимание на отражении атаки русских, Властов подвез к упиравшемуся в Березину правому флангу Виктора 12 орудий. Неожиданно русская батарея, расположившись в перелеске, открыла огонь по переправе. Ядра ложились прямо в гущу войск, которые плотной массой двигались по мостам, дробили в щепы повозки и экипажи, поражали людей и лошадей. Уцелевшие лошади вставали в испуге на дыбы, дико ржали. Разбитые экипажи, взрывы зарядных ящиков, опрокинутые повозки и нагромождение трупов на мосту приостановили переправу. Однако ужас, посеянный меткими выстрелами русских артиллеристов, был настолько велик, что стоило орудиям на время умолкнуть, как толпы перепуганных беглецов кинулись в панике по мостам. Пробивая себе дорогу, они сбрасывали в реку обломки экипажей, топтали трупы и раненых. В ужасающей толчее, сталкивая друг друга в воду, смешались солдаты переправлявшихся частей с толпами беженцев и отставших от строя безоружных.

Трагичные картины этого дня описаны Де-Сегюром. Вот одна из них: «Многие хотели, миновав мост, взобраться по его сторонам, но большая часть из них была сброшена в реку. Там, среди льдин, были и женщины с детьми на руках, поднимавшие последних по мере того, как сами погружались; и уже погруженные, держали наверху детей вытянутыми руками...»

Виктор предпринял атаку против центра Властова. С правого берега реки его поддержала французская батарея. Существует версия, что наводкой ее орудий занимался сам Наполеон. Под натиском французов русский отряд стал отходить. Но в это время Властов подтянул батарейную роту, которая открыла по наступавшим картечный огонь. Французы не выдержали. Виктор отвел войска назад и построил их полукружьем у переправы. Атаки с обеих сторон прекратились, но орудия продолжали палить ядрами. Ранние сумерки короткого ноябрьского дня положили конец баталиям.

В десятом часу вечера войска Виктора, оставив в Студенке арьергард, стали спускаться с возвышенности к переправе. Пробиться к мостам оказалось непросто. Большое пространство вдоль берега заполнили экипажи и толпы беженцев. По свидетельству

одного из французских офицеров, плененного в Студенке, он провел у переправы три дня, но Березины из-за скопления повозок и людей так и не увидел. Солдаты Виктора прокладывали себе дорогу к мостам штыками и прикладами, уничтожая всякого, кто становился на их пути. Переправа закончилась в полночь. Пушки были брошены в Студенке.

В 10 утра 28 ноября мост для артиллерии рухнул. Правда, это не остановило движения. «Толпа людей, шедших сзади, не знавших этого несчастья, не слышавших криков передних, ринулась вперед, сбросила их в бездну, куда и сама была низвергнута в свою очередь» (Де-Сегюр).

В 6 часов утра 29 ноября Наполеон выступил из Занивок и направился к Зембину. Его охраняла гвардия, которая днем строилась в боевые колонны, а ночью располагалась в каре у бивуачных костров.

Император приказал прибрать мертвые тела и побросать их в воду, чтобы русские не видели потерь французской армии. «Но Эбле было не до похорон: он почитал себя счастливым, что успел сам убраться, оставив не только мертвых, но и всех раненых и больных. Они погибли от мороза, достигшего на другой день 20º» (А. И. Михайловский-Данилевский).

Ненастное утро обрушило на прибрежные села и войска, располагавшиеся на берегах Березины, порывы леденящего ветра и метель. Высоко над рекой взметнулось пламя. Горели мосты, подожженные по приказу Наполеона, который тем самым рассчитывал задержать продвижение русских войск. Генералу Эбле было велено поджечь их в 5 часов утра, однако он медлил, давая беглецам на левом берегу последний шанс на спасение. Приказ о поджоге Эбле отдал в половине девятого, когда на возвышенности за Студенкой показались донские казаки. Вопли отчаяния тысячных толп огласили окрестности. Одни пытались прорваться сквозь огонь. Другие надеялись перейти реку по нагромождениям льда у мостовых устоев. Но хрупкие льдины не выдерживали, ледяной помост расползался, и пенящаяся путана поглощала иноземцев.

А в Студенке над лесом казачьих пик реяли русские флаги. К реке подвезли пушки для стрельбы по правому берегу.

Корпус Витгенштейна (точнее – отряд Властова) взял в плен 13000 человек, включая дивизию Партуно, в том числе 5 генералов и 311 офицеров. В Студенке было захвачено 12 пушек, брошенных при ночном бегстве корпусом Виктора. На нравом берегу воины Чичагова пленили более 3000 человек и отбили у противника 7 пушек.

Отряд во главе с Чаплицем преследовал остатки наполеоновской армии. Сражение при Студенке, которое длилось трое суток, закончилось полным разгромом французских войск.

ИТОГИ ПЕРЕПРАВЫ

К переправе подошло более 30000 солдат наполеоновской армии, находившихся под ружьем. Преодолеть ее смогли около 9000. Всего вместе с отставшими и безоружными Наполеон потерял в районе Береэины 50000 человек. Велики были утраты наиболее боеспособных соединений: корпуса Виктора и Удино не досчитались почти половины своего состава, старая гвардия, которая ни разу не вводилась в бой, из 3500 потеряла 1500 человек, молодая гвардия из 1500 – 700 человек.

Главное значение сражения при Студенке состояло в том, что на Березине наполеоновская армия прекратила свое существование как организованная во-

енная сила. Она превратилась в толпу беглецов, ряды которых таяли изо дня в день.

И все же, несмотря на достаточно убедительные факты, ни одно из событий Отечественной войны не вызвало столько разноречивых оценок и суждений, как военные действия на Березине в ноябре 1812 года.

Сам Наполеон, когда позади остались Березина и Зембинские дефиле с сожженными им мостами, торжествующе воскликнул, обращаясь к своей свите: «Видите, как проходят под самым носом у противника!» (К. Клаузевиц).

Западные историки, вторя Наполеону, склонны считать, что его полководческий гений нигде не проявлялся так ярко, как на Березине, ибо он нашел выход из наихудшего положения, в каком находился какой-либо полководец. Безусловно, следует признать, что в данной, весьма неблагоприятной для него ситуации, Наполеон сумел проявить организаторские и полководческие способности. Каков, однако, был достигнутый результат? За исключением самого себя, своих маршалов и нескольких тысяч офицеров, он из всей армии никого не привел из России назад.

Однако битый император не отказался от своих завоевательных планов.

«Березина! Роковое имя, роковое место, где могли окончиться, но не окончились, а продлились еще на три года бедствия человечества», – вот итог Березинской операции, который подвел один из немецких историков того времени.

Так и было. Сохранив ядро командного состава своей армии, Наполеон, вернувшись во Францию, сумел уже к марту 1813 г. собрать под свои знамена более 500 тысяч человек и вновь устремился на восток. Правда, эта армия, состоявшая в основном из новобранцев, по боевым качествам значительно уступала той, что полегла на полях России. Да и Наполеон уже был не прежний. Военная фортуна изменила ему окончательно.

Трагедия Студенки оставила неизгладимый след в памяти французского народа. Она ведь явилась величайшим испытанием мужества и стойкости простого наполеоновского солдата, который после бесславного похода в Россию лелеял одну мечту – вернуться живым на родину. Эта мечта согревала понтонеров в ледяной воде Березины, придавала храбрость бойцам в сражении. На отчаянии обреченных, сквозь которое пробивалась надежда на спасение, строил свои полководческие замыслы Наполеон.

Счастливцы, вернувшиеся во Францию, сохранили и передали потомству воспоминания об ужасах переправы через Березину. Народная песня, которую они пели в Студенке в самые трудные минуты, была переиначена в благодарственный гимн. Он жив и поныне. Как рассказывают, его поют французы – и стар, и млад, – посещающие Студенку в наши дни.

То, что Наполеону и его сподвижникам удалось избежать плена, составляло для России негативную сторону сражения на Березине. В глазах царедворцев и кабинетных стратегов этот факт заслонил героизм русского солдата, добившегося, вопреки промахам своих военачальников, победы над врагом.

«Русские, умиравшие наполовину, сделали все, что можно сделать и должно было сделать для достижения достойной народа цели, и не виноваты в том, что другие русские люди, сидевшие в теплых комнатах, предполагали сделать то, что было невозможно» (Л. Н. Толстой).

Первым виновником неудавшегося пленения Наполеона был назван адмирал Чичагов.

Карл Клаузевиц писал по этому поводу: «Адмирал, конечно, не проявил в эту кампанию особых та-

лантов по вождению армии. Впрочем, нельзя отрицать, что все решительно находились во власти предвзятой мысли, что противник свернет влево к Бобруйску. От самого Кутузова было получено извещение в этом смысле. Главным основанием этой предвзятости было предположение, что присутствие Витгенштейна помешает Наполеону свернуть направо. Однако Чичагов даже после своего ошибочного передвижения еще имел 27-го время, чтобы овладеть переправой, а потому главная вина и неудача всего предприятия падают на него».

Мало того, что Чичагов не проявил должной оперативности и с большим опозданием направил подкрепление Чаплицу и Корнилову, он не использовал всех предоставлявшихся ему возможностей для того, чтобы преградить Наполеону путь на запад. А ведь этой цели можно было достичь, оседлав войсками Зембинские дефиле.

Кутузов с негодованием писал Чичагову: «Известился я вчерашнего числа, как будто Наполеон с армией своею перешли при Веселове через Березину. Сему я почти верить не могу, зная, что дорога, по которой неприятель к Веселову идти должен, открывается с правого берега Березины, а равномерно, заняв дефиле при Зембине малым отрядом можно воспрепятствовать в сем месте сильному неприятелю переход через реку».

Не было забыто и то, что из-за нераспорядительности и беспечности Чичагова Дунайской армии под натиском корпуса Удино пришлось оставить Борисов и уйти за Березину. Мишенью для острот стал походный сервиз Чпчагова, захваченный неприятелем. Когда русские войска вступили в Вильно, Чичагов первым встретил Кутузова у замка, в котором тот должен был остановиться. «Разговаривая с Чичаговым» Кутузов между прочим сказал ему, что отбитые у него в Борисове экипажи с посудой целы и будут возвращены» (Л. Н. Толстой). Адмирал усмотрел в этих словах иронию и воспринял их с большим раздражением.

Под градом обвинений, которые сыпались со все сторон, Чичагов, смещенный в 1813 г. с командования армией, уехал за границу и в Россию больше не вернулся.

Итак, виновным за неудавшееся окружение Наполеона сделали одного Чичагова, хотя в неменьшей степени был повинен Витгенштейн с его нерешительностью, которую сравнивали даже с трусостью. Это отмечали и французы. Маркиз Арман Коленкур, государственный деятель, неотлучно находившийся при Наполеоне в походе 1812 г., писал в своих мемуарах: «Мы никак не могли понять бездеятельность Чичагова. Не более понятной нам была медлительность Витгенштейна».

Витгенштейн говорил в оправдание, что виноваты обстоятельства, мол, из Кострицы на Веселово и Студенку вела неудобная для артиллерии дорога по болотистой местности. Но это не соответствовало действительности: дорога была ничем не хуже той, что шла к Борисову.

И все же Витгенштейн сумел для своей реабилитации использовать победы, одержанные отрядом Властова. Такого количества пленных и трофеев Чичагов не имел. Искусный царедворец Витгенштейн пользовался поддержкой Александра I. В апреле-мае 1813 г. он командовал русской армией в Германии. При Николае I в 1826 г. его произвели в генерал-фельдмаршалы и в начале русско-турецкой войны 1828-1829 гг. поставили во главе русской армии.

И еще, что теперь представляется до невероятности нелепым – придворные круги пытались объяснить неуспех пленения Наполеона действиями глав-

Владимир Иванович Харкевич

нокомандующего русскими армиями выдающегося полководца Кутузова. Его обвиняли в том, что 25 и 26 ноября, когда французы сосредоточились в Борисове и Студенке, он находился в Круглом, на расстоянии четырех переходов от Борисова. Авангард Кутузова прибыл в Борисов только 28-го, а сам он избрал маршрут на Минск, следуя южнее Борисова. Эти обвинения выдвигали приближенные Александра I, разжигавшие его неприязнь к Кутузову.

Осуждали Михаила Илларионовича и за то, что он дал несколько дней отдыха главным силам русской армии, преследовавшим неприятеля от самого Тарутина.

А вот противоположные мнения.

«Никогда преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию, – писал К. Клаузевиц. – В ноябре и декабре, после крайне тяжелой, напряженной кампании среди снегов и льдов России, то по плохим проселочным дорогам, то по совершенно опустошенной большой дороге, при крупнейших продовольственных затруднениях, преследовать бегущего неприятеля 120 миль (850 км) в течение 50 дней представляет собой, пожалуй, нечто беспримерное... Такое напряжение делает великую честь князю Кутузову».

Добавим, что эта честь принадлежит также русской армии и русскому народу.

Л. Н. Толстой с негодованием говорил о тех придворных историках, для которых «кажутся очень занимательными... награды, что получил тот и этот генерал, и их предположения; а вопрос о тех 50000, которые остались по госпиталям и могилам, даже не интересует их, потому что не подлежит их изучению».

Жизнь и здоровье простого русского солдата была

всегда предметом забот великого полководца Кутузова. Ради них он пренебрег мнением царского двора, приняв разумное решение. Кутузов видел, что события развиваются своим чередом, что нет необходимости вводить в бой главные силы. Он решил преследовать противника неустанно отдельными отрядами, беспокоить и утомлять его. И этого оказалось достаточно, чтобы при минимальных потерях своих сил окончательно его погубить.

Когда 13 декабря остатки наполеоновской армии перешли через Неман, их было всего 1600 человек. А когда вернулись австрийские и прусские соединения, действовавшие на флангах, общая численность побежденной наполеоновской армии составила около 50000. Если вспомнить, что вступавшая в Россию французская армия, включая и подошедшие впоследствии войска, насчитывала 610000 человек, то, следовательно, более 550000 осталось убитыми и плененными на русской земле.

В ОСВОБОЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Никогда за всю многовековую историю Борисова не было на его улицах такого скопления людей, как после сражения при Березине. Людей разной судьбы, разного положения. А какая невообразимая пестрота одеяний! Русские солдаты регулярных частей в мундирах и киверах. Ополченцы Новгородской и Петербургской дружин в серых шинелях грубого сукна и в круглых шапках с нашитыми на них желтыми крестами. Пленные в жалких лохмотьях, укутанные в женские платки всех расцветок. Встречались офицеры, облачившиеся в попоны, снятые с павших лошадей. Свою форму сохранили лишь пленные из дивизии Партуно, которых 30 ноября привели в город из Старо-Борисова.

Дом, в котором в 1812 г. размещался госпиталь

Как следует из воспоминаний французов, плененных под Студенкой, русские военные власти относились к ним гуманно. Пленным дивизии Партуно сохранили их багаж и ранцы. В городе они грелись у пожарищ и костров, размещались по домам, хотя с помещениями в таком небольшом поселении, каким был тогда Борисов, оказалось трудно.

Г. Роос, лекарь из корпуса Мюрата, плененный под Студенкой, вспоминал: «Я заметил один каменный дом, стоявший на базарной площади. Он был приспособлен французами под госпиталь. Сюда русские поместили более 300 женщин, девушек и детей, подобранных при переправе». Эти несчастные, испытавшие все тяготы отступления наполеоновской армии, намерзшиеся на Березине в ожидании своей очереди к мостам, но так ее и не дождавшиеся, так жадно, не-

истово тянулись к огню, так неосторожны были в обращении с ним, что, как пишет Роос, в каменном доме «в ночь под рождество возник пожар, пламя пожрало все горючее и всех, кто не мог спастись»*.

В городе скопилось немало больных и раненых. Поскольку необходимых помещений для них не оказалось, решили открыть госпиталь в деревне Житьково, в 12 километрах от Борисова. Туда направили Г. Рооса и еще одного врача из пленных. Вот что писал Роос: «Нас обоих назначили в дер. Житьково, там поместили 3000 раненых и больных, русских и пленных, при них состоял только один русский врач... Теперь началась наша работа. Большая часть ее проходила в темноте, ибо день – всего 5 часов. В хатах даже и днем темно. Мало было свечей, лучина – и ночью и даже днем. Не хватало предметов самой первой необходимости – корпии и полотна для бинтов». Крестьяне Житькова и окрестных деревень отдавали для перевязочного материала свои грубые самотканые рубахи, снабжали госпиталь провиантом. Впоследствии прибыл транспорт из Петербурга, доставивший корпию и бинты.

В это время в Борисов приехал назначенный Кутузовым на должность коменданта города подполковник Свечин. Он уделял большое внимание Житьковскому госпиталю, наладил снабжение молоком, маслом, медом. Но страшной бедой обрушился на госпиталь тиф, унесший почти половину больных. К концу марта поправившиеся русские (около 500 человек) были отправлены вдогонку армии, а пленные французы переведены в Полоцк.

* Этот дом, мрачный свидетель событий 1812 г., был восстановлен. Он и сейчас стоит у городской базарной площади, объявлен памятником истории как первое каменное здание в Борисове. К сожалению, необдуманные пристройки недавнего времени исказили его первоначальный облик.

Свечин организовал очистку улиц Борисова от трупов: их вывезли за околицу и сожгли. Но город еще долго сохранял следы войны. Даже весною 1813 г. на базарной площади и улицах стояли трофейные пушки, обозные повозки и фургоны. Из-под снега виднелись брошенные военные доспехи – каски, кирасы, кивера, ранцы, полевая сбруя, кучи тряпья, ружья. Среди городских кварталов зияли черные бреши пожарищ, виднелись наполовину разобранные для костров деревянные строения.

Весной 1813 г. в Борисове появился 1-й саперный батальон под командованием подполковника Н. Г. Сазонова. Да, это были те самые саперы, которые год назад возводили редуты на правом берегу Березины. Славный путь прошли они, прежде чем вернулись в Борисов. Летом 1812 г., когда началась война, сменяв шанцевый инструмент на ружья, пробились из вражеского окружения к армии Багратиона. Участвовали в сражениях под Бородино, Малоярославцем, Красным. И вот опять пришли в Борисов. Теперь им предстояло восстановить мост через Березину, а затем приступить к ремонту старых и возведению новых земляных укреплений на нравом берегу реки. Борисовские редуты, сыгравшие такую важную роль осенью минувшего года, решено было подновить и усилить на случай возможного неблагоприятного оборота событий в Европе.

На строительстве редутов вместе с саперами в течение нескольких месяцев работали окрестные жители и пленные. Вот воспоминания о событиях послевоенного времени русского офицера Федора Глинки, прошедшего дорогами Отечественной войны. Он видел разоренный город и сумел побывать здесь спустя почти год: «2 сентября. Город Борисов. Не узнаешь его! Прекрасное мостовое укрепление по чертежу известного нашего генерал-инженера

Опермана вдруг возникло у Березины. 1500 пленных французов заняты здесь земляною работою. Нельзя употребить лучше французов. Улицы мостят камнем. Видно, из Борисова хотят сделать хороший город. Дай бог! У нас так мало хороших городов...»

Значительную роль в восстановлении нормальной жизни города сыграл его комендант подполковник Свечин. Весьма образованный человек, он сделал свой дом средоточием культурной жизни Борисова. При сборе трофеев в Студенке и в окружавших ее местах Свечин главное внимание обратил на никого не интересовавшие брошенные бумаги. Их по указанию Свечина собрал находившийся в его подчинении офицер Свиницын. Потом находки просмотрели, рассортировали. Это оказались карты, планы, книги и письма. Среди бумажного хлама обнаружили дневники генералов, переписку маршалов, два письма Наполеона: одно к жене, второе – в министерство, в Париж.

А время шло своим чередом, и героическая эпопея 1812 г. постепенно уходила в область воспоминаний.

УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЙ

Отечественная война 1812 г. имела глубоко народный характер. Об этом свидетельствовали не только высокий моральный дух регулярной армии, но и широкий размах партизанского движения, боевая активность крестьянского ополчения.

Вместе с тем нельзя забывать, что как бы ни была велика роль народа, театр военных действий никогда не сможет обойтись без режиссеров, т. е. без талантливых полководцев и умелых военачальников.

Каждый, кто участвовал в сражениях при Березине, заслуживает, вероятно, отдельной книги или очерка. Мы же очень коротко расскажем о том, что сохранили архивы, музеи, литературные источники, воспоминания современников наших героев.

А начнем, естественно, с легендарного **Михаила Илларионовича Кутузова** (1745-1813). Ото был высокообразованный человек, владевший нескольким иностранными языками. Рано избрав военную профессию, он уже к 26 годам стал полковником, а в 32 года – генерал-майором. Участие в турецких войнах, в боевых действиях в Польше, Баварии, Бессарабии перемежавшееся дипломатической и преподавательской работой, деятельностью в должности генерал-губернатора в Литве, Петербурге, Киеве, – все обогащало опытом. Именно высокое мастерство полководца и дипломата помогло М. И. Кутузову, ставшему в 1812 г. фельдмаршалом, Главнокомандующим всеми вооруженными силами России и поднявшему на борьбу с врагом народ, разгромить полчища Наполеона.

Прост и сердечен был Михаил Илларионович с солдатами, корпусными командирами, армейскими офицерами, заботился о питании, быте своих подчиненных. И они его уважали, с готовностью шли за ним. Командир партизанского отряда Н. Д. Кудашев 22.11.1812 писал: «Можно быть уверенным во всем, когда во главе находится такой гениальный полководец…».

Несколько слов о **Павле Васильевиче Чичагове** (1765-1849). В главе «Итоги переправы» мы уже говорили, какой груз недовольства и подозрений пал на адмирала-неудачника, которому русская общественность склонна была приписать измену. Видно, поэтому в Военной галерее Зимнего дворца, открытой в январе 1827 г., портрета Чичагова не было. Однако не надо столь резко осуждать командующего

Дунайской армией. Обстоятельства на Березине сложились крайне неблагоприятные. Да есть и другие свидетельства участников войны, говорящие о том, что Чичагов не был предателем, не был и слабоумным, каким его считал высокомерный Наполеон. По словам русского историка и археографа П. И. Бартенева, Чичагов принадлежит к скорбному списку русских людей, совершивших для Отечества несравненно менее того, на что они были способны и к чему , призваны.

А вообще отпрыск крупного морского военачальника и мореплавателя слыл весьма образованным человеком, был честен и приветлив, любил дисциплину, не терпел льстецов, не терял чувства собственного достоинства. Но военным опытом и талантом военачальника, тем более в руководстве сухопутными войсками, адмирал не обладал, потому и допускал ошибки.

Что касается **Петра Христиановича Витгенштейна** (1769-1843), то и его вина, что не захлопнулась приготовленная на Березине ловушка незваному пришельцу, неоспорима.

И все же известно, что он был неплохим командиром. Победа у деревни Клястицы, взятие штурмом Полоцка, разгром противника под Чашниками – это все лавры Витгенштейна. За покладистый характер, дружелюбие его уважали офицеры. Не откажешь ему и в храбрости. Получив в одном из суровых сражений ранение, командующий продолжал руководить боем. А вот в сложной обстановке у Борисова он не сумел справиться с ситуацией, его нерешительность и нерасторопность позволили неприятелю выиграть время и остаткам армии уйти за Березину.

Назовем и других военачальников более низкого ранга. Следует подчеркнуть, что несмотря на неоднородный национальный состав российской армии,

Валериан Григорьевич Мадатов

Александр Никитич Сеславин

большинство воинов можно характеризовать как горячих патриотов России, с достоинством выполнявших свой долг. Пример тому тот же Витгенштейн – представитель немецкого аристократического рода.

Француз **Карл Осипович Ламберт** (1772-1843) командовал авангардом Дунайской армии при взятии борисовских предмостных укреплений, принимал личное участие в одной из штыковых атак. Был ранен, но долго не покидал поле боя, за что его наградили орденом.

Егор Иванович Властов (1770-1837) – грек по происхождению, настоящая его фамилия Властос. Этого способного военачальника можно по праву причислить к первому ряду героев Березины. Пленение дивизии Партуно, жестокие, но, в конечном итоге, победные бои с арьергардом Виктора у Студенки – вот краткая, но яркая характеристика генерал-майора Властова.

«Специалистом» по захвату в плен неприятеля был уроженец Карабаха, сын армянского народа **Валериан Григорьевич Мадатов** (1782-1829). Гусарский полк под его командованием всегда устремлялся в гущу сражений и непременно выходил победителем. Отчаянные кавалеристы громили врага на Березине и потом преследовали его при отступлении до самого Вильно, нанося ощутимые удары и ежедневно захватывая множество пленных. За эти действия Мадатова повысили в звании и вскоре наградили полковника золотым оружием. А через год он стал генерал-майором.

Исключительной храбростью отличался и **Александр Никитич Сеславин** (1780-1858). Это он со своими конниками освободил Борисов от оккупантов, что создало условия для соединения двух русских армий. В. А. Жуковский посвятил ему такие строки:

Сеславин – где ни пролетит
С крылатыми полками,
Там брошен в прах и меч, и щит.
И устлан путь врагами.

Сеславин был сугубо военным человеком. Закончив кадетский корпус, поступил на службу в гвардейскую конную артиллерию. Участвовал в военных кампаниях 1805-1807 гг. В начале Отечественной войны 1812 г. – адъютант Барклая-де-Толли. Через некоторое время возглавил кавалерийский партизанский отряд.

Смышленый, наблюдательный, бесстрашный Сеславин совершал смелые рейды по тылам противника. Он выявил движение отступавшей неприятельской армии от Москвы на Малоярославец и уведомил об этом генерала Д. С. Дохтурова, что позволило русской армии воспрепятствовать продвижению Наполеона в южном направлении.

В Борисов Сеславин вступил уже в звании полковника. Потом продолжал преследовать отступавшего противника. В кампании 1813 г. за подвиги под Лейпцигом был произведен в генерал-майоры.

Вслед за Сеславиным вошел в Борисов со своими полками донской атаман генерал от кавалерии **Матвей Иванович Платов** (1751-1818).

Сколько препятствий было на его жизненном пути! Воспитывался в казачьей среде. Выбрал судьбу военного. При штурме Измаила в 1790 г. командовал колонной из 5000 казаков, отличился при взятии крепости и стал генерал-майором. При сумасбродном царе Павле I по навету его сослали в Кострому, а затем заключили в Петропавловскую крепость. (В ту же крепость, кстати, Павел I сажал и Чичагова.) Освобождение Платову принесла смена власти, и при Александре I он был произведен в генерал-лейтенанты, назначен атаманом казачьего войска Донского.

Пройдя все ступени от урядника до войскового атамана, Платов, как никто иной, досконально изучил специфические особенности, боевые качества и нужды казачьего войска.

В начале войны 1812 г. «летучий корпус» Платова состоял из 14 казачьих полков, позднее число их достигло 45. Появление этих полков вносило смятение в ряды неприятеля. Сам Платов обладал особым искусством быстро обнаруживать слабые места противника и наносить ему сокрушительные удары. На Смоленщине, на берегах Вопи Платов разгромил вражеский корпус, взяв 3000 пленных и 62 орудия. А всего с начала Отечественной войны и до заключения в 1814 г. Парижского мира казаки Платова захватили около 100000 пленных и 800 орудий. Беспримерное мужество, исключительная выносливость донских казаков и воинский талант их атамана вызывали изумление всей Европы.

Петр Яковлевич Корнилов (1770-1827) происходил из дворян Псковской губернии. В 17 лет начал службу в армии вахмистром лейб-гвардии конного полка. Прошел боевую школу под началом прославленного полководца А. В. Суворова. В рядах Суворовских войск участвовал в итальянском походе, отличился в сражениях при Мантуе, Пескиере, Бресчии. В трехдневном бою при Требии командовал Тамбовским полком. Затем – переход в составе суворовских войск через Альпы. После возвращения на родину, Корнилов был направлен в Дунайскую армию, которой в то время командовал Кутузов. Находясь в авангарде армии, этот командир отличился при взятии турецкой крепости Силистрия и в сражении под Шумлой. За боевые заслуги произведен в генерал-майоры.

В Отечественную войну судьба Корнилова по-прежнему связана с Дунайской армией. Заметной

вехой в его биографии стали сражения под Кобрином и Городечно. Но главный подвиг Корнилова – его боевые действия на Березине. Сражаясь против превосходящих сил противника, он не смог, разумеется, воспрепятствовать созданию вражеского плацдарма на правобережье, но оказал решительное сопротивление попыткам Наполеона продвинуться на юг, в обход предмостного укрепления у Борисова, чтобы затем проследовать на Минск.

Важную роль сыграл в сражении на правом берегу Березины и генерал **Ефим Игнатьевич Чаплиц** (1768-1825). Он тоже начинал военную службу под командованием Суворова. При взятии Измаила полководец высоко оценил решимость и отвагу Чаплица, представив его к награждению орденом. В кампании 1805 г., во время совместных действий русской и австрийской армий против Наполеона Чаплиц командовал передовым отрядом в корпусе Багратиона. Под Шенграбеном его отряд в течение трех дней сдерживал натиск неприятеля, обеспечив русским возможность захватить дорогу, ведущую от Вены. В сражении под Аустерлицем действия отряда Чаплица спасли отрезанный неприятелем Псковский пехотный полк.

В канун Отечественной войны генерала назначили командиром резервного кавалерийского корпуса, и уже в июле он одержал победу над неприятелем: близ Кобрина разбил отряд саксонских войск, взял более 2300 пленных, 4 знамени, 8 пушек. Весть об этом распространилась по всей русской армии, в войсках радовались первому военному успеху.

В сентябре генерал Чаплиц принял командование пехотным корпусом, который на подходе к Березине был включен в состав армии Чичагова. На Борисовщине, под Брилями, Чаплиц лично возглавил атаку павлогродских гусаров. Контуженный в голову, он не покинул поле боя, продолжал руководить боевыми действиями корпуса.

После сражения при Студенке Чаплиц с авангардом преследовал остатки неприятельской армии и при взятии Вильно снова захватил большое количество пленных.

И Корнилов, и Чаплиц участвовали в кампании 1813-1814 гг. и закончили боевой путь в Париже.

В описании боев на Березине встречалось немало примеров того, как русские артиллеристы решителеными действиями, метким огнем в критические моменты боя обеспечивали успех. Из начальников этого рода войск следует в первую очередь назвать командира бригады Дунайской армии **Александра Дмитриевича Засядко** (1779-1837). К осени 1812 г. в чине полковника он отличился в боях под Городечно и на Березине. Потом вместе с русской армией его бригада прошла по Европе, завершив свой путь в Париже. За подвиги в битве под Лейпцигом Засядко награжден орденом Георгия III степени. Во всей армии среди полковников такую награду имели только трое.

Много лет спустя он писал своему другу: «Нет, не забыть мне Березины, Лейпцига, Парижа, и кто это забудет?»

В течение 15 лет Засядко не покидал поля сражений, а потом вдруг занялся, казалось бы, не свойственной боевому командиру деятельностью – стал изобретателем. Он создал первые русские боевые ракеты, организовал их производство, сформировал первое в русской армии ракетное подразделение. В 1818 г. был произведен в генерал-майоры. В 1820-м – назначен первым начальником Михайловского артиллерийского училища в Петербурге, от которого ведет родословную одно из старейших высших военных учебных заведений нашей страны – акаде-

мия имени Ф. Э. Дзержинского. Впоследствии Засядко возглавлял штаб артиллерии русской армии.

Многие русские военачальники с мужеством и отвагой прошли через Березину. Вот несколько имен генералов, достойных памяти: Михаил Сергеевич **Вяземский**, Григорий Андреевич **Дячкин**, Иван Дмитриевич **Иванов**, Петр Демьянович **Каховский**, Павел Иванович **Кошелев**, Иван Петрович **Кульнев**, Николай Иванович **Лидерс**, Василий Дмитриевич **Мещанинов**, Михаил Федорович **Наумов**, Иосиф Корнелиевич **Орурк**, Марк Иванович **Родионов**, Иван Васильевич **Сабанеев**.

К сожалению, мы не можем сегодня рассказать об их конкретных делах в дни Березинской переправы. В истории Отечественной войны еще немало белых пятен. Своих исследователей ждут многие вопросы. К примеру, вспомним генерал-майора Энгельгардта, погибшего смертью героя при взятии редута. Как его имя и отчество? Откуда он родом? Мы не смогли установить это даже с помощью опытных специалистов в области военной библиографии, архивариусов и музейных работников. Под руководством таких талантливых и отважных военачальников народ и сыграл свою главную роль в разгроме врага. Однако многочисленные публикации пестрят именами титулованных особ, а простые крестьянские парни названы лишь изредка. Их награждали медалями, солдатскими крестами, но это не приносило им известности и не выводило из гнетущего бесправия.

Георгиевским крестом под номером 22983 за подвиг под Борисовом был награжден рекрут из Волыни, солдат 7-го егерского полка Иван **Бадяжный**. Он вынес на плечах в безопасное место тяжело раненого командира, хотя получил ранение и сам.

Рядовой Павлоградского полка Федор **Мельников** потерял в бою коня, но тут же, находясь у переправы, вступил в рукопашную и захватил в французского офицера.

В боях у Борисова 11-я дружина 2-й бригады городского ополчения, которой командовал А. А. **Погребов**, пошла в атаку. Противник упорно сопротивлялся, но был смят и отброшен. Погребову нанесли 8 смертельных ран. Его дружина поклялась мстить за своего командира и сдержала клятву.

Авторы отдают себе отчет в том, что в этой главе не избежали повторений, которые могут показаться излишними. Но мы обратились к именам, желая, чтоб они запечатлелись в памяти читателя. Ведь неоправданно мало известно о многих из тех, кто отстаивал свободу Отечества в давно прошедшей войне с Наполеоном. Как хотелось бы, чтоб и война 1812 г. привлекла внимание следопытов, чтоб и здесь нашла применение, насколько это возможно за давностью лет, благородная заповедь признательных потомков: «Никто не забыт».

И еще надо помнить, что в 1812 г. Россия сражалась не со слабым противником, а с мощной силой, находившейся в руках человека, полководческий талант которого был признал всем миром.

Мы, разумеется, далеки от мысли ставить в один ряд тех, кто воевал за правое дело, и тех, кто пришел убивать и грабить. В. И. Ленин так и называл Наполеона грабителем и душителем народа. И вместе с тем не считаем возможным уклониться от утверждения, которое представляется нам истиной: Наполеон и его ближайшее окружение ускользнули от плена отнюдь не по воле случая, а благодаря своим военным способностям, умению использовать тактическую хитрость при решении самых сложных задач.

Вот несколько наполеоновских начальников, роль

Мишель Ней

которых нельзя не отметить, говоря о сражениях при Березине.

Мишель Ней, сын бондаря, он за 17 лет прошел путь от солдата до маршала. Отличался личной храбростью и большой популярностью в войсках. Погиб он не в бою. В 1815 г. Нея расстреляли монархисты. Так возвратившиеся к власти Бурбоны расправились с одним из лучших полководцев Франции.

Шарль Удино, маршал не имевший военного образования, но наделенный мужеством, решительностью, настойчивостью. О его боевой активности свидетельствовало множество ранений, полученных в разных сражениях, в том числе и на Березине.

Луи Даву, человек, отличавшийся деспотическим правом, но один из самых способных маршалов французской империи, превосходный стратег и тактик. Проявил себя под Салтановкой, Смоленском, Бородино.

Ян Домбровский, командир польских легионов. Поступил на службу к Наполеону, наивно полагая, что тот вернет независимость Польше. Был храбрым генералом, имел авторитет среди поляков, которые в надежде восстановить самостоятельность своей растерзанной родины составили значительную часть «великой армии». Имя Домбровского высечено на Триумфальной арке в Париже.

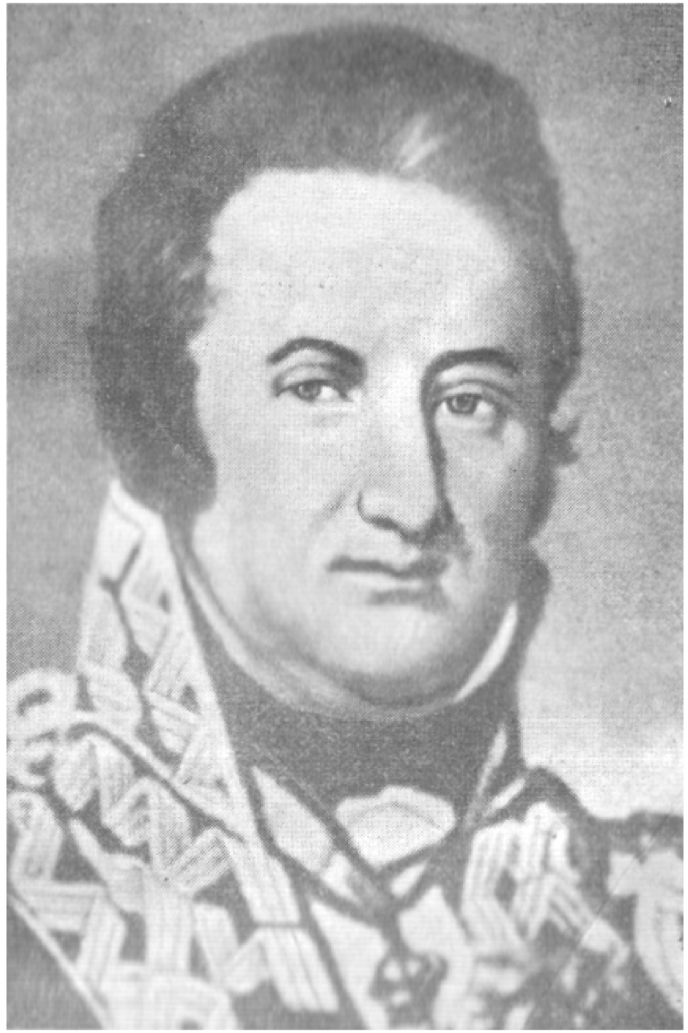
Наполеон и перечисленные военачальники, переправившись на правый берег Березины со своим не столь многочисленным, но боеспособным войском смогли создать плацдарм и удержать его, чтобы, не смотря на потери, обеспечить надежный отход в сторону Зембинских дефиле.

Рационально действовал и маршал **Клод Виктор** оставаясь на левом берегу до последнего момента.

В современной французской энциклопедии из не большой статьи «Березина» можно узнать, что бла-

ШарльУдино

Ян Домбровский

Клод Виктор

годаря обманным действиям Наполеона по наведенным мостам у Студенки переправилась почти вся его армия, за исключением отставших, число которых не указано. А ведь потери врага при Березинской переправе хорошо известны. Отдадим должное императору, и особенно генералу Эбле, который смог быстро навести мосты и потом повременить с их поджогом. Однако полагаем, что читатель сам ответит на вопрос: велика ли заслуга капитана и его ближайших помощников, обеспечивших свое спасение за счет гибели судна и почти всего экипажа?

ПО СЛЕДАМ СОКРОВИЩ

Обращаясь к страницам истории войны 1812 г., и в особенности к военным событиям на Березине, нельзя не задуматься о судьбе награбленных сокровищ, которые Наполеон увозил при побеге из Москвы.

Наибольшее количество ценностей, составлявших национальное достояние русского народа, находилось в древних соборах и палатах Кремля. Ограбление кремлевских храмов, глумление над их святынями началось сразу же, как только армия Наполеона вступила в Москву. Успенский собор был превращен в конюшню. Древние иконы, писанные на кипарисовых досках, пошли на дрова. В Архангельском соборе устроили винный склад. Алтарь использовали под кухню.

Когда Наполеон собирался покинуть Москву, он отдал приказ о вывозе всех остававшихся в Кремле ценностей. В Успенском соборе были сняты серебряные кованые доски массой около 15 пудов с гробниц Московских митрополитов Петра и Филиппа, серебряный саркофаг черниговских чудотворцев общей массой 40 пудов, огромные паникадила. Брали в до-

рогу и то из церковной утвари, что удалось сберечь от расхищения солдатами: кубки, потиры, ковчеги, кадильницы, панагии. С икон сдирали оклады из золота и серебра. Всего из собора вывезли 325 пудов (более 5 тонн) серебра и 18 пудов золота. Особенно большие предметы, например паникадила массой до 60 пудов, обращали в слитки. Грабителей не смущало, что при этом драгоценные произведения искусства древних мастеров становились бесформенными кусками металла.

Из Архангельского собора похищено более 122 пудов серебра и около 3 пудов золота. Многих драгоценностей лишились Благовещенский и Казанский соборы. Из подвалов монетного двора изъято множество серебряных слитков массой по 10 фунтов каждый. Из подвалов Кремлевского арсенала забраны все цепные воинские атрибуты: древнее оружие, латы и шлемы, около 500 трофейных знамен – польских и турецких, всего более тысячи различных предметов. Огромное количество ценных экспонатов похищено из Оружейной палаты.

Все это по приказу Наполеона уложили в повозки императорского обоза.

Вакханалия грабежа перехлестывала все границы. Как вспоминал позднее адъютант Наполеона Де-Сегюр, «стоило неимоверных усилий, чтобы сорвать с колокольни Ивана Великого ее гигантский крест, Император хотел воздвигнуть его над Домом Инвалидов в Париже». Шестиметровый крест, венчавший самое высокое сооружение Москвы (колокольня свыше 80 м), весил более тонны. Казалось бы, куда уж тащить в обозе такую махину? Но, «…охваченные бессмысленной жадностью, забыли о восьмистах лье пути и о предстоящих сражениях» (Де-Сегюр).

Описывая выступление наполеоновской армии из Москвы, адъютант императора отмечает, что ее колонны походили «скорее на татарскую орду после удачного нашествия… Можно было подумать, чти двигался какой-то караван кочевников или одна из армий древних времен, возвращавшаяся после великого нашествия с рабами и добычей».

Однако вскоре награбленное имущество начало тяготить французских вояк, а на третьей неделе пути они стали бросать часть добытого. «От Гжатска до Михалевской деревни, расположенной между Дорогобужем и Смоленском, в императорской колонне не случилось ничего примечательного, если не считать того, что нам пришлось бросить в Семлевское озеро вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения Кремля и крест с Ивана Великого… При этом великом кораблекрушении армия, подобно громадному судну, разбитому страшнейшей бурей, не колеблясь, выбрасывала в это море снега и льда все то, что могло затруднить и задержать ее движение» (Де-Сегюр).

Утверждение Де-Сегюра послужило причиной настойчивых поисков клада на дне Семлевского озера. Однако предпринимавшиеся различными энтузиастами попытки отыскать награбленные сокровища до сего времени не увенчались успехом. Как ни странно, многие из тех, кто был привлечен тайной наполеоновского клада, слепо поверили Де-Сегюру и прониклись убеждением, что Наполеон с легкой душой расставался со своей добычей и только искал удобного моста, чтобы сбросить ее в воду или зарыть в землю. Считают, что такое стремление усиливалось по мере того, как в сражениях и от морозов таяли ряды наполеоновской армии и падала ее боеспособность.

Полагаем, что избавляясь от громоздких трофеев, как-то: орудия и старинное оружие. Наполеон, по-видимому, уделял большее внимание сохранности каз-

ны и награбленных сокровищ. Разумеется, здесь не все зависело от его воли. Надо, наверное, отказаться от предвзятого взгляда, будто все то, что объединяется понятием «сокровища Наполеона», имело одну судьбу. При столь длительном марше, проходившем в постоянных сражениях с русскими войсками, трудно было сохранить императорский обоз как нечто единое целое. Часть повозок наверняка потерялась в пути. И все же, по-видимому, основная масса награбленных сокровищ добралась до Березины. На это указывают некоторые находки в Студенке. Но о них будет сказано позже.

Необходимо также отметить, что немало награбленного в Москве добра, помимо императорского обоза, везли в каретах, повозках, фургонах начальствующие лица всех рангов. О судьбе их трофеев можно судить на примере того, что случилось с багажом итальянского вице-короля Евгения на этапе между Дорогобужем и Духовщиной. Корпусу вице-короля пришлось переправляться через реку Вопь. Вздувшаяся, загроможденная плывшими льдинами река с обледенелыми крутыми берегами обернулась для итальянцев маленькой Березиной. Здесь, на Вопи, корпус Евгения вынужден был бросить почти всю артиллерию и экипажи, чтобы налегке попытаться преодолеть водную преграду.

«…Владельцы покидаемого имущества едва успевали с ним расстаться: пока они отбирали себе самые необходимые предметы и нагружали ими лошадей, подоспела целая толпа солдат, которые набросились, главным образом, на дорогие экипажи. Они ломали и уничтожали все, как бы мстя этому богатству за свои лишения… Большинство из них искало съестных припасов. Они выбрасывали и раскидывали ради нескольких горстей муки расшитые одежды, картины, всевозможные драгоценные украшения и предметы из вызолоченной бронзы. Вечером эти богатства, разбросанные по снегам дикой и пустынной равнины, являли собой странное, невиданное зрелище» (Де-Сегюр).

Что касается версии Де-Сегюра о кладах на дне Семлевского озера, то настораживает одно обстоятельство. Сегюр упоминает о том, что Великоивановский крест находился в императорском обозе при выезде из Москвы, но потом был сброшен в озеро. Однако крест этот никогда не покидал Москвы.

Вот какое любопытное сообщение удалось обнаружить в газете «Московские новости» за 1813 г.: «Крест с главы Ивановской колокольни найден ныне в Кремле у стены большого Успенского собора… Открытие сие чрезвычайно обрадовало жителей здешних, кои вообще полагали, что оный крест увезен всемирным врагом вместо трофея». Как указывается далее, крест при падении с большой высоты получил повреждения. Найденный крест был действительно с главы Ивана Великого. Это засвидетельствовали приглашенные для его осмотра кузнец Ионов, который в свое время выполнял кузнечную работу, и звонарь Ивановской колокольни.

Зачем же Наполеону и его сподвижникам понадобилось распускать слух о вывозе креста из Москвы? Надо полагать, для престижа. По-видимому, Наполеон надеялся, что после взрыва Кремля (он был произведен после ухода французов из Москвы) там будет трудно что-либо обнаружить.

Но все сложилось по-иному. Странно только, что те, кто бросаются на поиски наполеоновского клада, доверяют сообщениям Де-Сегюра и не удосужатся обратиться к отечественным документам той эпохи. Вот и невдомек им, что крест-великан, который они ищут в Семлевском озере, благополучно венчает колокольню Ивана Великого. Это обличает адъютанта

императора в искажении фактов, а раз так, можно ли полностью верить ему в остальном, что касается Семлевского озера?

Теперь о находках в Студенке. Поиски начались сразу же по окончании сражения на обоих берегах реки.

Вот что рассказывает известный археолог и историк граф Е. П. Тышкевич в описании Борисовского уезда, изданном в 1847 г.

После окончания сражения под Студенкой местные власти распорядились расчистить поле брани и реку. Согнали крестьян почти со всего уезда. Изо льда вырубали вмерзшие экипажи. Из-под снега извлекали брошенное имущество. В окрестных лесах находили множество замерзших французов. Десятки тысяч вражеских трупов были зарыты в огромных ямах на околице Студенки. При этом собрано немало награбленного добра, которое французы тащили из Москвы: мраморные статуи, картины, сервизы из лучших сортов фарфора и хрусталя, столовое серебро, дорогие одежда и белье, золотые предметы. Посылая своих крепостных на работу в Студенку, хозяева требовали все найденное отдавать им. Кроме того, пользуясь неосведомленностью крестьян, местные помещики и шляхта скупали у них драгоценности (золотые часы, цепочки, кольца, серебряные сосуды и несессоры) за бесценок.

Из местных помещиков более всех усердствовал барон Корсак, в усадьбе которого Наполеон ночевал на пути к Студенке. Корсак устроил целую выставку экипажей, седел и упряжи, доставленных ему слугами. В своем кабинете он разместил коллекцию дорогих образцов оружия, а ящики комода завалил орденами, медалями и значками.

Кое-что из трофеев вошло и в крестьянский быт. Еще много лет спустя в деревенских хатах можно было увидеть солдатские безмены и маленькие ручные мельницы для размола кофе. Всякого железа, а оно в то время особенно ценилось, набралось столько, что для разных кузнечных поделок его хватило почти на три десятка лет.

В 1813 г. по распоряжению правительства под Студенкой производилась расчистка русла Березины. О находках в это время рассказывает в своих воспоминаниях Генрих Роос. Он прожил в Борисове около года. Летом 1813-го совершил поездку в Студенку и потом написал: «На месте переправы встретил майора сухопутных и водных сообщений еще с одним офицером и несколькими солдатами. Ему была поручена очистка реки… Он добыл из реки пушки и всякого рода экипажи и знал про места, где их еще больше лежит в болоте и на дне реки… В чемоданах, сундуках и т. п. он нашел серебро в слитках и плитках значительной величины и веса, золото, драгоценные камни и много прекрасных и полезных вещей. Многое из всего этого он показал нам… Мне майор подарил шпагу, саблю и английское седло. Отсюда мы объехали окрестности и видели много касок, шляп, шляпок и т. п. и бумаг, книжек, карт, планов…».

Вот когда, по-видимому, были найдены главные сокровища у Студенки! Впрочем, предметы из наполеоновского обоза встречались в Березине и позже. Купаясь, один крестьянин нашел массивный золотой крест с красивой ажурной цепью, другой набрал четыре кубка золотых монет.

Отмечены случаи и государственного внимания к поискам кладов. В 1895 г. на имя министра земледелия поступило письмо из Борисова. Некто Рачковский раскрывал семейную тайну: когда-то один из участников войны 1812 г., солдат 14-го егерского полка перед смертью рассказал, что в городе у Бере-

зины закопал богатый трофей – восемь бочонков золота. Министерство передало письмо в Археологическую комиссию, однако письмо осталось без внимания. Тогда Рачковский обратился в Министерство внутренних дел, и оно разрешило провести раскопки на городской земле, ограничив их определенным сроком.

Наемные землекопы взялись за лопаты, но работали недолго – не хватило средств. Вслед за этим в журнале «Исторический вестник» за февраль 1898 г. появилась статья, автор которой Е. Альбовский не сомневался в том, что Березина в районе Студенки хранит крупные клады, и что их можно найти, если поиск вести не лишь бы как, а старательно, рационально, с надлежащим знанием дела. Альбовский критиковал Министерство путей сообщения – в 1896 г. оно занималось расчисткой русла Березины и по неумению ничего не нашло.

Действительно, возле Студенки работала в том году землечерпалка. Но клады не были обнаружены. Вновь, со дна речного извлекались каски, кирасы, сабли. Лишь маленькая дочка крестьянина Филончика поволокла домой грязную цепь, на которую никто по обратил внимания. Грязь по дороге обтерлась и находка засверкала золотом. На беду крестьянина к нему в этот день явился за долгом мельник и согласился взять цепь в счет долга как бронзовую. За сколько он потом продал ее столичному ювелиру, осталось неизвестным.

В 1910 г. поиски в Студенке проводил новоборисовский землевладелец И. Х. Колодеев. Он отыскал в реке отдельные предметы вооружения и монеты.

Подобные вещи хранятся в Борисовском краеведческом музее.

Бытует мнение, что в Студенке находили не то, что было в императорском обозе, а то, что везли в своих каретах и экипажах наполеоновские начальники и частные лица. Ведь среди находок в Студенке не оказалось хорошо известных предметов из московского клада. Куда подевалась драгоценная утварь Кремлевских храмов, золотые панцири царя Алексея Михайловича, серебряные бердыши? Они, насколько известно, не появлялись на свет ни на одном аукционе…

Но многие выдающиеся произведения искусства из драгоценных металлов перед оставлением грабителями Москвы были превращены ими в слитки. Роос упоминает о большом количестве слитков и пластин благородных металлов, найденных в Студенке. Известно также, что когда генерал Иловайский во главе своих казаков ворвался в Кремль после ухода Наполеона из Москвы, он обнаружил там походные горны с застывшими на них и на мостовой брызгами серебра, а на дверях храмов – сделанные мелом записи о массе переплавленного металла.

Допустим, церковная утварь и дворцовые атрибуты достались местным помещикам. Из опасения конфискации драгоценностей властями помещики могли их также обратить в слитки и пластины. Но это лишь наше предположение, вернее, опасение, что многое из награбленного французами в Москве перестало существовать как произведения искусства.

В императорском обозе в особо прочных пронумерованных фургонах находилась казна наполеоновской армии в 11 миллионов франков в золотых и серебряных монетах, общей массой примерно 5 тонн. Каждый фургон тянула шестерка лошадей. Кроме того, были запасные лошади. Вместе с казной везли столовое серебро императора и его маршалов, и каждый фургон сопровождали казначей и конные жандармы. В Москве по приказу Наполеона жалованье военно-

служащим выдали бумажными деньгами, а золотой запас повезли обратно.

О судьбе наполеоновской казны существует немало легенд, в которых сплелись отголоски исторических событий и домыслы позднейших времен. Особенно живучи они в местах, где пролегал путь отступления французской армии.

Весьма любопытной, на наш взгляд, является легенда-версия о неманицком кладе.

В начале нынешнего века два французских инженера, служивших на руднике франко-бельгийской компании в Донбассе, проехали по деревням, расположенным вдоль Московского тракта. Повсюду они обещали вознаграждение в 300 рублей тому, кто покажет им дуб, пронзенный тесаком. Французы объездили немало сел, по лишь в Неманице, деревне в 7 километрах восточное Борисова, сыскался человек, который за несколько лет до того видел в лесу «древо с железякой». Крестьянин долго водил французов по лесу, но так и не смог разыскать меченый дуб. Перед отъездом французы, якобы, объяснили местному помещику, что искали клад, описанный в завещании их деда, казначея наполеоновской армии, который утверждал следующее. Сопровождаемый им фургон вместе с другими экипажами двигался к Студенке. Однако в дороге пало большинство лошадей и везти тяжести далее стало невозможно. Содержимое фургона было закопано в лесу, место захоронения помечено воткнутым в дуб тесаком, а казначей с однополчанами продолжили путь к Студенке в пустом фургоне. Но падеж последних лошадей заставил их сжечь единственное средство передвижения и идти пешком.

После приезда французов, искавших зарытую казну, вспомнили, что возле деревни Брусы в 7 километрах к северо-западу от Неманицы в направлении к Студенке первые поселенцы в 70-х годах прошлого века еще видели торчавший из болота остов сожженного фургона.

В Неманице к вести о лесном кладе отнеслись весьма серьезно. Война 1812 г. оставила глубокий след в памяти многих поколений неманицких крестьян. Время от времени в лесных болотах находили черепа, ржавое оружие. Когда-то неманицкие охотники мастерили из наполеоновских ружей берданки. Однажды девочка-батрачка, собиравшая на болоте зеленый корм для свиней, заметила в роднике что-то блестящее, раскопала руками грязь и вытащила целую горсть серебряных монет. Серебро она спрятала в траву, которую складывала в подстилку, но хозяин заметил, что подстилку оттянуло каким-то тяжелым грузом и отобрал находку. Поиски в том месте, где были обнаружены монеты, успеха больше не принесли.

Подобные случаи в представлении местных жителей делали версию-легенду о зарытой казне довольно достоверной и не одно поколение неманицких мальчишек мечтало найти клад в лесах, окружавших их родную деревню.

На первый взгляд, более заслуживающим внимания представляется сообщение бывшего лейтенанта наполеоновской армии Жана Батиста Савэна, сделанное им… в 1892 г.? Нет, это не мистификация. Савэн умер в России в 1894 г. в возрасте 126 лет.

Еще не так давно в Саратове можно было отыскать старожилов, которые помнили этого самого Савэна. Оп проживал на Грошовой улице под именем Николая Андреевича Савина и был весьма известной в городе личностью. Подумать только, живой участник наполеоновских войн в девяностых годах прошлого века! Быть может, Савэн и прибавил себе для пущей важности несколько лет, но даже и в таком случае его долгожительство удивительно.

После войны 1812 г. в Саратове оказалось много пленных французов. Среди них впоследствии известный математик и механик Жан Понселе, литератор Александр Кудрэ. Большинство потом уехало домой. А Савэн решил не возвращаться во Францию и большую часть своей жизни – 82 года провел в России. Он давал уроки французского языка дворянским детям и уроки фехтования местным офицерам. Незадолго до смерти Савэна французское правительство наградило его медалью Святой Елены, и саратовский губернатор Мещерский лично вручил ему награду.

Престарелым Савэном заинтересовался русский историк К. А. Военский и услышал от него такой рассказ. Во время перехода наполеоновской армии через Березину в Студенке Савэну, тогда лейтенанту 3-го корпуса, маршал Ней поручил охрану фургонов казначейства главного штаба с четырьмя миллионами франков золотом и орденами Почетного Легиона. Ней велел переправлять их по грузовому мосту для артиллерии и обозов. Савэн заметил, что это опасно. Ней повторил приказ. Савэн вступил на мост со своими повозками вместе с арьергардом корпуса Виктора. В то же время двигались тяжелые орудия. Мост не выдержал, рухнул в реку, увлекая за собой и фургоны казначейства. Показались казаки. Савэн был взят в плен, а четыре миллиона франков золотом остались на дне Березины.

Насколько можно верить заявлению Савэна?

Достоверно известно, что фургоны с казной достигли Вильно. При бегстве из города остатки наполеоновской армии наткнулись на обледеневший крутой склон Понарских высот. Одолеть этот склон не смогла ни одна лошадь. А тут еще губительный огонь артиллерии подоспевших казачьих частей Платова. Французы бросили последние повозки с ранеными и больными, архив и казну. При этом часть казны была разграблена. Казаки атамана Платова захватили четыре миллиона франков, которые позже передали государству (М. Богданович).

Итак, налицо противоречие между утверждением Савэна о гибели наполеоновской казны на переправе через Березину и фактом, не подлежащим сомнению, что фургоны с казной достигли Вильно. В воспоминаниях Савэна настораживают и другие обстоятельства. Он утверждал, например, что казна, входившая в состав императорского обоза, переправлялась вместе с арьергардом корпуса Виктора. Но мы знаем, что Виктор, бросив свои орудия в Студенке, переправлялся в ночь с 28 на 29 ноября, императорский обоз – одновременно с гвардией, 27 ноября. Корпус Нея, в котором служил Савэн, достиг правого берега реки уже к вечеру 26 ноября. А утром 29-го в Студенку вступили казаки Платова, пленившие в числе прочих и Савэна. Это наводит на мысль, что Савэн находился среди отставших от своего корпуса и не мог принимать участия в описанных им событиях.

Следует также принять во внимание, что рассказывал человек, которому было более ста лет, и вряд ли можно полагаться на ясность его памяти.

Мы остановились на воспоминаниях о Савэне в назидание иным кладоискателям нашего времени, которые рассматривают подобные измышления как важный ориентир для поисков. И все же, независимо от утверждений старика, можно предположить, что в суматохе Студенской переправы и частого разрушения мостов исчезли отдельные фургоны с наполеоновской казной.

Число находок в Студенке со времени переправы с годами резко убывало. Казалось бы, это свидетельствует о том, что громоздкие предметы – фургоны, кареты, повозки – полностью извлечены во время прежних очисток реки и вряд ли приходится рассчи-

тывать на такого рода находки в будущем. Но, возможно, Березина еще не открыла полностью своих тайн. Ведь иные экипажи, упав в реку, могли быть снесены льдинами вниз по течению и осесть на дне русла, которое со временем обратилось в старицу или болото. Многое могло быть брошено по дороге в Студенку. Но чтобы вести эффективные поиски, нужно прежде всего представить здешние места такими, какими они были в начале XIX в.

Знакомство с планами окрестностей Борисова, снятыми в 1810 г. полковником квартирмейстерской части Вистницким, показывает, что русло Березины того времени во многих местах не совпадает с нынешним. Изучение таких планов является, на наш взгляд, обязательной предпосылкой дальнейших поисков сокровищ, награбленных Наполеоном на русской земле.

ПЕРОМ И КИСТЬЮ

Достопамятный 1812 г., как и любое крупномасштабное событие, нашел отражение в произведениях литературы, живописи, графики, архитектуры, скульптуры, прикладного искусства, музыки.

Знаменитое лермонтовское «Бородино» известно каждому школьнику. А кто не помнит патетические строки А. С. Пушкина:

Страшись, о рать иноплеменных?
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад;
летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.

В. А. Жуковский в поэме «Певец во стане русских воинов» восславил многие имена, знакомые нам и по Березинской переправе: Сеславин, Платов, Пален, Кудашев…

Г. Р. Державин, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, К. Ф. Рылеев, А. А. Дельвиг, Ф. И. Тютчев, А. Н. Майков и многие другие русские поэты не остались в стороне от волнующей темы.

Говоря о Березинской переправе, мы уже называли великого Льва Толстого, который создал уникальную литературную эпопею «Война и мир», где ярко нарисованы экспрессивные картины боев, описаны драматические столкновения и в динамике событий среди многочисленных персонажей талантливо показаны русские полководцы, даны глубокие философские обобщения.

Не прошли мимо этой темы и французские литераторы. Так, Оноре де Бальзак в «Человеческой комедии» дал широкое описание битвы у Студенки. А бывший интендант наполеоновской армии Анри Бейль, впоследствии писатель Стендаль, образно передал кошмар переправы, свидетелем которой был сам.

Подробностями войны 1812 г., в т. ч. и Березинской переправы, пестрит обширная мемуаристика. Следы Отечественной войны остались и в музыке: написано несколько опер, немало песен, до сих пор продолжает звучать торжественная увертюра П. И. Чайковского «1812 год».

Этот незабываемый год нашел свое отражение и в музыке Запада. По рассказам советских туристов, в Швейцарии и в наши дни распевают народную песню о Березине.

Но, наверное, ничто так наглядно и живо не воспроизводит страницы истории, как изобразительное искусство.

Вряд ли нам под силу рассказать обо всех выдающихся архитекторах и художниках (среди них О. Бо-

ре, А. Монферран, О. Кипренский, Л. Венецианов, В. Верещагин), которые воплотили в своем творчестве разные грани событий 1812 г.

Коснемся лишь работ, относящихся к Березине.

Пожалуй, ни одно событие в Белоруссии не привлекло такого внимания живописцев, как переправа у маленькой деревеньки Студенка. Среди офицеров противоборствовавших армий были способные рисовальщики. Поручик гусарского полка А. Дмитриев-Мамонов и подпоручик гвардии В. Норов запечатлели на бумаге немало боевых эпизодов, участниками которых они являлись. Натурные зарисовки у Березинской переправы сделали и художники, находившиеся в стане врага.

Привлекая к своему походу на Россию многих живописцев (А. Гро, О. Варне, Н. Шарле, А. Дезарно и др.), Наполеон полагал, что они станут регистраторами его блистательных побед. Но верные жизненной правде художники-очевидцы, особенно Альбрехт Адам и Христиан Фабер дю Фор, воспроизвели бедствия французов при отступлении, пожары Москвы и Смоленска, мародерство наполеоновских солдат. Эти мастера карандаша и кисти донесли до нас в деталях военного быта, боевой обстановки, пейзажа дыхание своего времени. Фабер дю Фор, например, находясь в Студенке, сделал четыре зарисовки, на которых видно, как французы разбирают крестьянские хаты для строительства мостов.

Интерес художников к Березине стал особенно нарастать после окончания войны. Разгром маршала Виктора у Березины изобразил в 1814 году итальянский художник Доменико Скотти. Участник многих сражений полковник Ж. Ш. Ланглуа, впоследствии заслуживший славу основоположника военных панорам (об этих панорамах говорили, что в них не хватает только шума и стрельбы), в 1833 году тоже за-

Фрагмент картины Януария Суходольского «Переход Наполеона через Березину»

интересовался Березиной. Он приезжал в Студенку и вскоре создал внушительный холст «Переправа через Березину», который экспонировался во Франции и остался на хранении в музее города Канн. Кстати, этот баталист явился и автором панорамы: «Бородино» (показывалась парижанам в 1835 г.), но события там были представлены в ложной интерпретации, будто в сражении под Москвой Наполеон вышел победителем.

День 28 ноября 1812 года вошел в картины, офорты и литографии А. Шеффера, К. Яслина, Л. Мареа, Ф. Шарпантье, В. Адама. Эскиз «Наполеон у Березины» оставил В. Верещагин.

Тема Березинской переправы привлекала и художников Белоруссии. Среди них был Ян Дамель, однако ему не удалось довести свой замысел до конца, он создал только незавершенный рисунок.

Зато в Торуньском окружном музее (Польша) можно увидеть «Переход Наполеона через Березину» – картину, принадлежащую кисти Януария Суходольского, живописца из Гродно. На этом, созданном в 1859 г. полотне, представлена динамика хаоса и отчаяния на заснеженных берегах Березины в дни памятной переправы. Река еще не замерзла, но видны плавающие льдины. На левом берегу вблизи перегруженного солдатами моста различаем Наполеона в окружении свиты. Второй мост уже провалился под тяжестью орудий. Сметались в общую массу тысячи людей и лошадей. Безысходность ситуации подчеркивают четкие обособленные сценки.

Наиболее известное произведение живописи о Березине – картина, которая стала неотъемлемой частью Военной галереи Зимнего дворца. И сегодня ее может увидеть каждый, кто побывает в Эрмитаже. Это полотно весьма внушительных размеров (224×355 см) написано баварским живописцем Петером Хессом. Его работа, по мнению знатоков, не относится к шедеврам изобразительного мастерства, нет в ней психологического великолепия образов, но события в общем плане показаны правдиво и детали весьма выразительны.

…Утро 29 ноября. Русские войска вступают в Студенку. Мосты через реку уже горят. Артиллерия бьет по правому берегу, где эскадрон французских офицеров с кирасирами в белых плащах сдерживают натиск воинов Чичагова. На левом берегу беглецов, столпившихся возле множества повозок, охватило отчаяние. У одной из телег валяется чей-то маршальский мундир с красной лентой Почетного Легиона. Тут же раскрывшийся ящик, из которого высыпалась церковная, скорее всего награбленная утварь, чуть левее на снегу – голый мертвец, наверное, его одежда соблазнила какого-то мародера. Французы грязные и оборванные, в неимоверном страхе и ужасе. Лишь немногие сохранили человеческий облик и готовы защищаться.

А русские наступают. Выделяется всадник на гнедом коне, в белой фуражке с красным околышем. Это Витгенштейн, рядом обер-квартирмейстер Дибич и другие штабные офицеры. Через нагромождения покинутых экипажей пробираются к переправе пехотинцы. На переднем плане справа – конники в своеобразных головных уборах: башкиры, казахи, калмыки. Вот-вот наступит развязка…

В ноябрьском номере за 1847 г. журнал «Современник» писал об этой работе: «В ней заключается целый роман, и она в строгом смысле историческая картина».

За труды Петер Хесс был награжден орденом.

А теперь пойдем по следам давно забытой панорамы. Нет, разговор не о панораме «Бородинская битва», в удивительных красках созданной в начале

Французы бегут…
(фрагмент панорамы В. Коссака и Ю. Фалата «Березина»)

нынешнего столетия русским баталистом Ф. А. Рубо и пользующейся большой популярностью – ее ежегодно посещает свыше миллиона человек. Задолго до полотна «Бородинская битва» польскими живописцами была создана панорама, что отразила другой, не менее памятный эпизод Отечественной войны.

Весной 1895 г. на берегах Березины, недалеко от Борисова – у Студенки можно было встретить приезжего, который внимательно изучал местный ландшафт и делал натурные зарисовки. Это был Войцех Коссак. Вместе с другим польским художником Юлианом Фалатом и несколькими помощниками Коссак решил отразить на большом полотне события, оставившие яркий след в истории под кратким и емким названием «Березина».

Труд шестнадцати месяцев увенчался созданием в Берлине, в специальном здании на Гервартштрассе панорамы высотой 15 и окружностью 120 метров. В 1896 г. она была открыта для публики. Что же показывала панорама?

Зрители видели вокруг себя на заснеженной равнине обреченное на гибель войско. Оно пытается найти спасение в переправе на правый берег Березины. Но наспех сбитые и переброшенные через реку два моста едва выдерживают напор пехоты и артиллерии. Вдали уже видны наступающие со всех сторон русские полки.

Безысходность и отчаяние выражает этот фрагмент. Здесь каждый штрих красноречивей всяких слов. Понурые лица… Обтрепанное знамя… Барабанная дробь озябшего юнца… Воющий над мертвым хозяином пес…

И еще одни фрагмент.

Наконец-то привал и тепло костра… Но на лицах все то же отчаяние…

А это описание сцены сожжения знамен, приведен-

Отчаяние
(фрагмент панорамы В. Коссака и Ю. Фалата «Березина»)

ное в одном из проспектов: «Группа угрюмых солдат окружает разведенный на снегу костер. По правой стороне расположилась императорская свита, за которой сплошной стеной стоят кавалеристы. Перед костром на барабане сидят Наполеон в любимом гвардейском мундире и в шубе, подаренной ему императором Александром I после Тильзитского мира. Понурым взором смотрит Наполеон на свидетелей его славных победоносных походов, на знамена, пожираемые огнем. Сжигая эти знамена, Наполеон как бы сжигает свое славной прошлое» (М. «Березина»).

Не все, изображенное художниками, согласуется с историческими фактами. Достоверно известно, что

Сожжение знамен
(фрагмент панорамы В. Коссака и Ю. Фалата «Березина»)

знамена частей и соединений наполеоновской армии были сожжены до подхода к Березине, после того как Наполеон узнал, что Дунайская армия преградила ему путь на Минск. Однако создателей панорамы вряд ли стоит осуждать за такой анахронизм. Сцена сожжения знамен стала стержневым пунктом всей композиции, ее завершающим аккордом.

Вместе с тем на панораме запечатлено множество реальных лиц. Возле императора можно узнать маршалов Нея, Даву, Мюрата (зять Наполеона). Видно, как генерал Эбле читает приказ императора о предстоящем сожжении знамен. Упряжка лошадей тянет карету. В ней – супруга маршала Удино рядом со своим раненым мужем. Две женщины вываливаются из саней в грязь – это актрисы, сопровождавшие «великую армию».

Панорама не отразила героики сражения – русские войска виднеются на заднем плане. Но она ярко показала безысходность и смертельную тоску отступавшей армии.

Где же эта панорама?

Судьба ее неясна.

Из редакционных замечаний к книге воспоминаний В. Коссака можно узнать, что панорама «Березина» побывала в России. В апреле 1900 г. ее показали в Киеве, в июле 1901 г. – в Москве. Последним пристанищем панорамы оказался Краков, где в 1907 г. ее порезали на куски и распродали. Отдельные фрагменты были использованы для репродукций на почтовых открытках.

Местонахождение некоторых частей панорамы подсказал Институт искусств Польской академии наук: одну из них не так давно приобрел у частного лица Люблинский окружной музей, в фондах Краковского национального музея хранится фрагмент «Сожжение знамен».

Развернутые репродукции всей панорамы были опубликованы когда-то в нескольких странах Европы. К сожалению, теперь они являются библиографической редкостью. Борисовский краеведческий музей располагает фоторепродукцией этой работы польских живописцев, подаренной музею зарубежным посетителем. В Борисове уже давно раздаются призывы создать в городе новую панораму о Березине, которая рассказала бы современникам о событиях у Студенки, происходивших более полутора веков назад.

Березина 1812 г. отражена и в пластике медальерного искусства. И было бы несправедливо не вспомнить серию медальонов, которые мастерски выполнил Федор Петрович Толстой. Один из этих медальонов послужил образцом для медалей из меди и серебра (диаметр 65 мм), изготовленных на монетном дворе по штампу гравера А. Лялина в 1835 г.

На лицевой стороне медали в окаймлении надписью «Родомыслъ* девятагонадесять века» изображен Александр I с копьем и щитом, а на реверсе под надписью «Сражение при Березине» видим воина в славянском шлеме, кольчуге и со щитом. Левой рукой он придерживает меч, а правой указывает на простирающееся за ним поле, усеянное трупами воинов и лошадей, а также трофеями, среди которых остатки французских. Красноречивая композиция!

СУДЬБА НЕОБЫЧАЙНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В начале века в русской печати стали появляться сообщения о необычайной библиотеке, находившейся

* По славянской мифологии бог, наделенный храбростью, мудростью, справедливостью.

в то время в городе Борисове Минской губернии. Принадлежала библиотека землевладельцу Ивану Хрисанфовичу Колодееву. Отмечалось, что колодеевское собрание книг, рукописей, планов, карт, произведений искусства, посвященное исключительно войне 1812 г., является богатейшим не только в России, но и в Европе. Исчезновение этой библиотеки из Борисова (после Октябрьской революции ее там уже не было) породило ряд догадок и домыслов, которые существовали до недавнего времени.

Кто же такой был Колодеев, что собой представляла его библиотека и какова ее судьба?

…В былые времена по правому берегу Березины на многие версты тянулись густые сосновые леса – приволье для всякого зверья: лосей, медведей, волков. В 60-х годах прошлого столетия обширные земельные угодья этой пущи получил в дар от царя генерал-лейтенант Колодеев. Его владения начинались от старых редутов – «Батарей» и тянулись вниз по Березине на добрый десяток километров до реки Плиса. Семь тысяч гектаров! Поначалу казалось, что единственный прок от такого дара – торговля строевым лесом. Но вот в 1871 г. через владения Колодеевых прошла железная дорога, соединившая Москву с Минском, Брестом, а впоследствии и с Варшавой.

Земли на скрещении важнейшей железнодорожной магистрали и судоходной реки сразу поднялись в цене. Одно за другим строились предприятия: спичечная фабрика «Березина», бумажная фабрика «Папирус», деревообрабатывающий комбинат, стекольный завод. Там, где стоял дремучий лес, за три десятилетия был построен Новоборисов, который и по площади, и по населению превзошел своего старшего брата.

Поднимались фабричные корпуса, росли и доходы землевладельца Ивана Хрисанфовича Колодеева – сына генерала. Ведь со всего, что возводилось на его землях, – с железной дороги и железнодорожных сооружений, с фабрик и, наконец, с казарм двух драгунских полков он взимал арендную плату.

Однако жители Борисова, знавшие И. Х. Колодеева как расчетливого дельца «редкой бережливости», долгое время не подозревали, насколько этот человек может быть расточительным в угоду своей страсти библиофила. Повинуясь этой страсти, Иван Хрисанфович объехал всю Европу. Стоило ему услышать о предстоящем аукционе, как он немедленно отправлялся в путь. Под стук молотка вступал в борьбу с конкурентами и, не считаясь с затратами, приобретал желанные книгу или документ. Каждое редкое издание обходилось в сотни франков, редчайшее – полторы-две тысячи. Причем Колодеева интересовало только то, что было связано с одной из самых героических страниц истории русского народа – с войной 1812 г.

Библиотека И. Х. Колодеева насчитывала свыше 15 тысяч томов. В русском отделе были собраны истории полков русской армии (около 100 названий), принимавших участие в войне. Здесь значилось все, что издавалось на русском языке о наполеоновских походах и об Отечественной войне, вплоть до подборок газет и журналов 1806-1820 гг., мелких брошюр и оттисков афишек Ростопчина, а также библиографических и справочных изданий. Иностранный отдел содержал литературу почти на всех европейских языках.

Коллекционера интересовали любые, даже самые незначительные документы, если они могли, пусть хоть маленькими штрихами, дополнить облик эпохи. Вот, например, билет, приглашающий от имени французского генерал-губернатора Литвы на бал 2-го декабря 1812 года по случаю годовщины коронации

Иван Хрисанфович Колодеев

Наполеона. Это был тот самый бал, во время которого в Вильно пришло известие о разгроме наполеоновской армии под Студенкой. Присутствовавшие на торжестве иностранные представители при дворе Наполеона в панике бежали в Варшаву, не захватив даже теплой одежды.

Среди множества карт и планов начала XIX в. – столистная карта западных областей России (сделана специально для Наполеона в масштабе 6 верст в дюйме). По ней Наполеон прокладывал маршрут движения «великой армии» на Москву, ею же руководствовался при бегстве с остатками армии из России.

В числе произведений искусств – собрание портретов деятелей 1812 г.: М. И. Кутузова, М. Б. Барклая-де-Толли, Ф. В. Ростопчина, М. И. Платова. Один из редчайших экземпляров коллекции – акварель «Фельдмаршал М. И. Кутузов на смертном одре», исполненная с натуры адъютантом главнокомандующего Ефимовичем. Впоследствии акварель была тиражирована сделанной с нее гравюрой, но оригинал, единственный, хранился у Колодеева.

Необычен портрет Платова, на котором атаман Донского казачьего войска изображен в военной форме с белым галстуком на шее. Платов хотел иметь особую привилегию на ношение белого галстука при мундире и, пренебрегая мнением света, рассматривавшего это как пустую причуду, настоял на своем и добился на то разрешения Александра I.

Несколько странную историю имеет гравированный портрет командующего Дунайской армией адмирала Чичагова. Долгое время его изображали с чертами лица известного русского мореплавателя И. Ф. Крузенштерна. Объясняется это так: когда русские войска стали одерживать победы за пределами России и издателям немецких газет понадобился портрет

Чичагова, под рукой его не оказалось. Тогда они воспользовались портретом Крузенштерна, опубликованным в 1806 г. после совершения им кругосветного путешествия. Одинаковая морская форма, одинаковая награда (оба адмирала имели Георгиевский крест), сходные черты лица – и ловкие дельцы, изменив надпись, пустили в оборот портрет Крузенштерна под именем Чичагова! Эти портреты долгое время имели хождение в Европе и даже проникли в Россию.

Рядом с портретом капитана Бентье, одного из строителей моста через Березину в Студенке, – набросок конструкции моста, сделанный им по памяти в 1813 г.

Но что же произошло с библиотекой Колодеева? Почему ее следы вдруг затерялись?

Вот что сообщила старший научный сотрудник Государственного исторического музея Нина Михайловна Пырова, приложившая немало усилий к выяснению судьбы коллекции Колодеева.

В связи со столетним юбилеем Отечественной войны 1812 г. в Москве предполагалось открыть музей. Планировалось даже построить специальное здание. Узнав об этом, И. Х. Колодеев летом 1913 г. безвозмездно передал свою библиотеку в дар будущему музею, до основания которого библиотека поступила па храпение в Государственный исторический музей. Однако открытию музея помешала первая мировая война, вспыхнувшая в августе 1914-го.

Незадолго до войны И. Х. Колодеев скончался. Через год, когда фронт стал приближаться к Белоруссии, жена Ивана Хрисанфовича Ольга Сергеевна, обеспокоенная судьбой остававшихся в ее собственности предметов искусства, передала их Государственному историческому музею.

Впоследствии, в 20-е годы, собрание книг Колодеева поступило в библиотеки Москвы, главным образом в Государственную историческую библиотеку. К сожалению, отсутствие экслибрисов не позволяет в настоящее время установить принадлежность тех или иных книг, находящихся в московских библиотеках, фонду Колодеева.

Изобразительные материалы остались на хранении в Государственном историческом музее. Фонд Колодеева насчитывает около 3 тысяч единиц хранения.

…Бережно листаем картоны огромных папок, на которых размещены офорты, гравюры, знаменитые торебеневские карикатуры-лубки на Наполеона и других французских государственных деятелей.

В отдельной папке материалы, относящиеся к панораме «Березина». Собранные здесь фотографии дают полное представление о ней.

А теперь перенесемся туда, откуда необычайная библиотека и удивительная коллекция поступили в Москву, обогатив исторический музей и книгохранилища столицы.

И. Х. Колодеева в Борисове помнили немногие и то только как богатого помещика. О судьбе его уникальной коллекции и библиотеки в 1981 г. борисовчанам напомнила публикация краеведа А. Б. Розенблюма в местной газете. Автор, в частности, обратил внимание и на сохранившийся дом Колодеева.

Это вместительное деревянное здание, окруженное застекленными верандами, стоит в Борисове на песчаном холме у Березины, над железнодорожным мостом через реку. Здесь теперь размещается небольшая больница. Каким-то чудом дом пережил две войны, хотя не раз взрывали железнодорожный мост, сжигали станционные постройки по соседству.

Публикация Розенблюма вызвала широкий общественный резонанс. Хранительница фонда Колодеева Н. М. Пырова была приглашена в Борисов. Ее лек-

ция в городском Дворце культуры, которая сопровождалась демонстрацией слайдов, собрала большую аудиторию. Борисовчане недоумевали, почему до сих пор на здании, где размещалась необычайная библиотека, по своей целенаправленности не знавшая равных, нет никакого памятного знака. Вскоре дело было поправлено. В память выдающегося библиофила, собирателя материалов о героической эпохе 1812 г., безвозмездно передавшего свое собрание народу, на доме Колодеева появилась мемориальная доска.

ПАМЯТЬ И ПАМЯТНИКИ

Проходят годы, унося в прошлое большие и малые события. О далеком 1812-м напоминают нам многочисленные памятники – монументальная скульптура, произведения литературы и искусства, музейные экспонаты, названия улиц и площадей.

Первым крупным мемориалом в честь героев 1812 г. явилась Военная галерея Зимнего дворца, о которой Пушкин писал:

Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года*.

Здесь мы находим очень многих участников Березинского сражения. Однако надо иметь в виду, что галерея была задумана прежде всего как символ прославления верноподданнического дворянства, и поэтому на 322 портретах изображены не только те, кто заслужил подлинную славу, но и такие, что в бо-

* С некоторыми из тех, кто изображен на портретах Военной галереи, А. С. Пушкин был знаком лично. К примеру, поэт общался с К. О. Ламбертом и И. В. Сабанеевым, отличившимися в сражениях у Березины.

Брилевское поле

ях вообще не участвовали (например, печально знаменитый Аракчеев и его адъютант Мякинин). В то же время в Военной галерее не нашлось места для многих достойных генералов, которые пришлись не по душе Николаю I, особенно после восстания декабристов.

Ну, а как же «народные наши силы»? С огорчением наблюдаем, что на памятниках, как правило, нет имен солдат и офицеров, а есть лишь названия событий и воинских частей.

Первые памятные знаки на месте переправы у Березины появились в 1901 г. по инициативе И. Х. Колодеева, сумевшего точно определить места пресловутых мостов генерала Эбле. Установленные на левом берегу два пирамидальных сооружения из кирпича с горельефными изображениями императоров Александра I и Наполеона (автор памятников

Памятник на Брилевском поле

корнет Н. В. Зарецкий) оказались недолговечными – просуществовали всего около 20 лет. Но остатки их сохранились до 1962 г.

Замечательным событием на Березине, на этот раз уже на правом берегу, было отмечено 100-летие переправы. 29.11.1912 у деревни Брили, где под курганами в братских могилах покоится прах двух тысяч русских воинов из Дунайской армии, начато, а через шесть месяцев закончено строительство монумента, которое велось на деньги, собранные по подписке у солдат и офицеров. Открытие состоялось 28.05.1913 при огромном стечении народа и участии нескольких войсковых подразделений. Состоявшийся при этом парад принимал командующий Виленским военным округом генерал П. К. Ренненкампф.

Когда спустили покрывало, присутствовавшие увидели двухметровый гранитный обелиск с распластав-

Памятный знак на батареях

Борисовский тет-де-пон

Улица 1812 г. в Борисове. Здесь велись бои

Воспитание памятью

шим крылья двуглавым орлом на вершине. А немного ниже – белый Георгиевский крест в лавровом венке. Надпись на красном граните гласила: «Доблестным предкам – егерям 7-го, 10-го и 12-го полков, павшим в сражении на реке Березине». Здесь же сообщалось, что памятник воздвигнут благодарными потомками из частей того же назначения, но сменивших с годами номера и наименования.

В период белопольской оккупации памятник был разрушен и только часть его с надписью была спасена местным крестьянином И. Т. Дорофеевым и впоследствии возвращена на место.

В 1984 году краевед А. Б. Розенблюм обратил внимание борисовской общественности на квадратную бетонную площадку близ собора с торговым ларьком на ней. Выяснилось, что эта площадка не что иное,

Стела у деревни Брили

как фундамент, торжественно освященный минским архиереем Митрофаном 28 июля 1914 года, в день, когда на средства земства началось сооружение памятника героям 1812 г. по проекту всемирно известного зодчего академика И. А. Фомина. Однако дальше фундамента дело не пошло – помешала начавшаяся первая мировая война.

18 августа 1984 года газета «Советская культура» поместила информацию ТАСС о принятом в Борисове решении завершить строительство упомянутого памятника по сохранившемуся проекту. Но сообщение оказалось ошибочным: ларек убрали, а бетонную площадку прикрыли асфальтом и снивелировали с мостовой.

Интересным памятником былых сражений является сосновый лесопарк Батареи – оказавшиеся в черте разросшегося Борисова остатки тет-де-пона, где

Рельефное изображение на стеле

когда-то сражались полки Ламберта и где погиб генерал Энгельгардт.

По настоянию известного борисовского краеведа В. А. Самцевича насыпанные руками человека земляные валы еще в 1926 г. были взяты под охрану государства, а недавно другой краевед Ж. В. Гилевич добилась, чтобы там установили гранитный памятный знак.

На Батареях и теперь различимы очертания прежних редутов. Но хотя бы один из них следует восстановить в первозданном виде – это значительно повысит интерес к памятнику истории.

Помните у М. Ю. Лермонтова:

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.

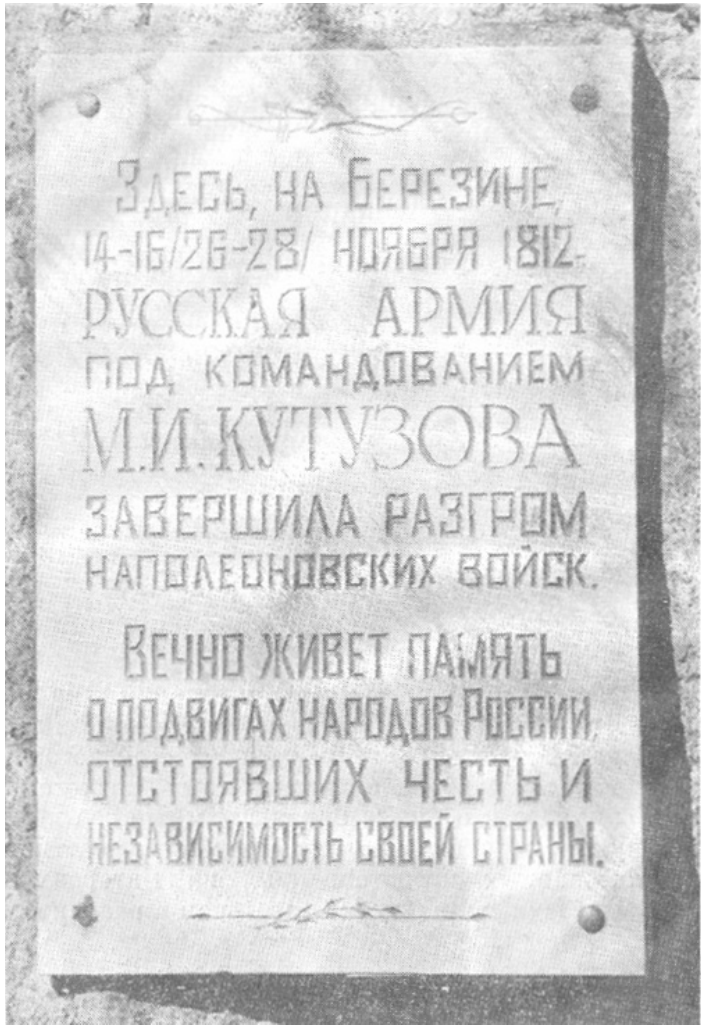
Памятник в Студенке

Все знают эти слова, но представляют ли, что такое редут?

Рядом с Батареями расположено небольшое одноэтажное здание краеведческого музея, где о сражениях на Березине расскажут много подробностей, покажут интересные реликвии: документы, карты и планы, оружие и амуницию. Время от времени музей проводит передвижные выставки, посвященные событиям 1812 г.

В состав научного совета музея входили и входят знатоки военного дела, среди которых В. М. Белтов, Л. М. Живнов, Н. С. Ярош. Труд этих людей на ниве военно-патриотического воспитания приносит немалую пользу.

Ярким примером воспитания памятью о прошлом,

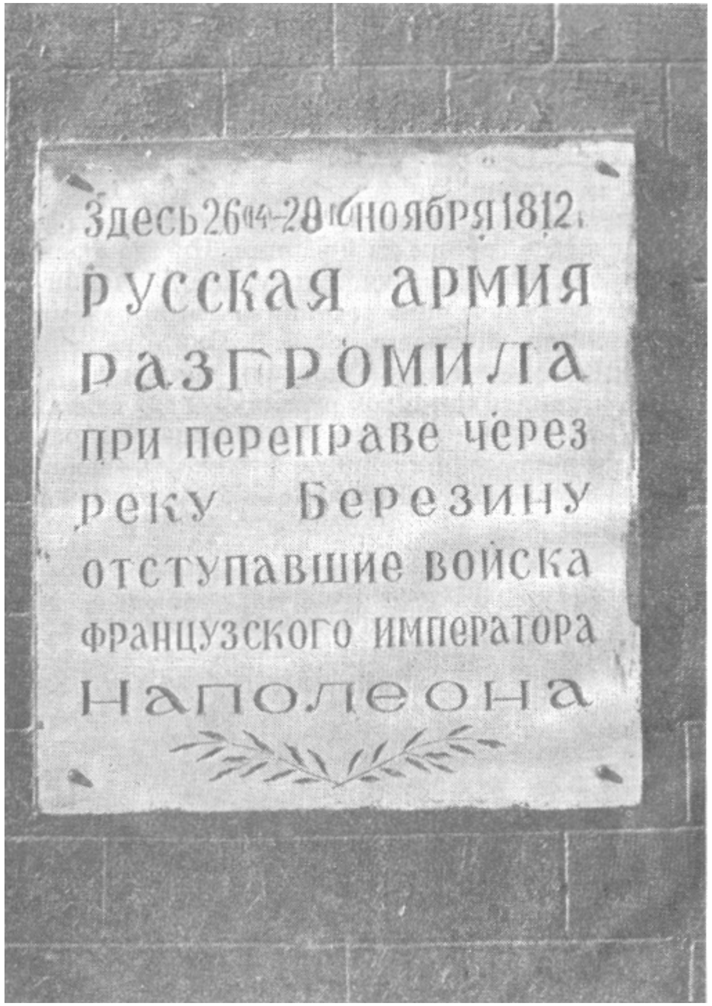
Надпись на памятнике

Стела у дороги Борисов-Зембин

демонстрацией преемственности поколений был военно-исторический поход по местам боевой славы 1812 г. Встречи со знатоками военной истории разных городов страны, с художниками, артистами, членами клубов и обществ охраны памятников истории и культуры, знакомство с выставками, участие в театрализованных представлениях на Батареях в городском стадионе окунули борисовчан в реальность минувшей эпохи.

Но вернемся туда, где была переправа. В 1962 г., когда широко отмечалось 150-летие Отечественной войны, там воздвигли два памятника. Один возле деревни Брили у входа в курганный некрополь – это чугунная стела с рельефным изображением военно-

Памятная доска на стеле

исторической тематики (работа лауреата Государственной премии Н. А. Рыженкова). Другой представляет собой валун с памятной доской. Установлен он в деревне Студенке, точно в том месте, где находился мост для артиллерии. А в 1965 г. в районе Студенки появился третий памятник – стела у дороги Борисов-Зембин.

Туристская тропа к ним никогда не зарастает. Приезжают сюда и группы из Франции. Иногда французы привозят с собой венки, в траурном молчании пускают их по реке и поют старинный гимн, напоминающий молитву об утратах войны*. Никто не мешает этому ритуалу – память о предках священна.

Жива в памяти потомков русских солдат слава Бородино. Заслуживает памяти и Березина, которая не только не возвысила «великую армию», но и оказалась для нее роковой. Бородино – это апогей войны 1812-го, а Березина – ее апофеоз.

---

* Посвященный 1812 г. «Гимн о мире» сочинил капитан Руже де Лиль, композитор и поэт, автор знаменитой «Марсельезы».

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ

Берданка – однозарядная винтовка под металлический патрон.
Бердыш – рубящее холодное оружие в виде топора с широким лезвием в форме полу месяца на длинном древке.
Гать – настил из бревен, жердей или хвороста для проезда, прохода через болото, топкое место.
Гренадеры – военнослужащие отборных пехотных полков, состоявших из специально подобранных физически сильных солдат.
Гусары – военные из частей легкой кавалерии, носившие форму венгерского образца.
Дефиле – узкий проход через полосу местности.
Драгуны – вид кавалерии, предназначенный для действий в конном и пешем строю.
Дружина – организационно-тактическая единица ополчения, равная по численности пехотному полку.
Егеря – вид легкой пехоты, а также легкой кавалерии, предназначенный для разведки и рейдов в тыл противника.
Картечь – снаряд, заполненный чугунными или свинцовыми пулями.
Кивер – высокий военный головной убор из кожи, с плоским верхом.
Кирасиры – воины тяжелой кавалерии, вооруженные палашом, карабином, пистолетом и защищенные нагрудными и наспинными латами – кирасой.
Корпия – растеребленная ветошь, ветошные нитки или специально выделанная пушистая ткань, употребляемая в качестве перевязочного материала.
Легион – военное формирование непостоянного состава.
Лейб-гвардия – гвардейские части, шефом которых состоял сам император.
Обер-квартирмейстер – старшее должностное лицо корпуса русской армии, заведовавшее хозяйственной частью и отвечавшее на выполнение хозяйственных работ.
Ополченцы – воины временных формирований, создававшихся из крепостных крестьян в помощь регулярным войскам.
Префектура – административно-территориальная единица, а также орган управления ею (в оккупированном Борисове была подпрефектура – по-видимому, как часть этого органа).
Редут – сомкнутое полевое земляное укрепление прямоугольной или многоугольной формы с наружным рвом и валом, предназначенное для круговой обороны.
Ретраншемент – вспомогательное фортификационное сооружение, вторая линия укрепления.
Тет-де-пон – оборонительное сооружение, создаваемое для прикрытия мостовой переправы.
Уланы – конные воины, вооруженные саблями и пиками.
Флеши – полевое укрепление, напоминающее в плане наконечник стрелы.

ЛИТЕРАТУРА

Акты Виленской археографической комиссии. Т. 37. Вильно, 1912.

Артиллерийский журнал. 1857, № 3.

Асварищ В., Вилинбахов Г. Отечественная война 1812 года в картинах Петера Хесса. Л., 1984.

Богданович М. Отечественная война 18l2 года по достоверным источникам. Т. 3. СПб., 1860.

Бородино. Документы, письма, воспоминания. М, 1962.

Военский К. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. СПб., 1912.

Глинка В. М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981.

Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1987.

Гулевич С. А. История 93-го пехотного Иркутского полка. СПб., 1914.

Давыдов Д. Военные записки. М., 1982.

Де-Сегюр Ф. П. Переправа через Березину. СПб., К., Харьков, 1905.

Де-Сегюр Ф. П. Поход в Москву в 1812 году. Мемуары французского генерала. М., 1911.

Де-Сегюр Ф. П. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона. М., 1911.

Жилин П. А. Отечественная война 18l2 года. М., 1988.

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937.

Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Мемуары. М., 1943.

Корнейчик Е. Белорусский народ в Отечественной войне 18l2 года. Мн., 1962.

Kossak Wojciech. Wspomnienja. Warszawa, 1971.

Краснянский В. Г. Город Борисов и Борисовский уезд в Отечественную войну 1812 года. Гродно, 1914.

М. «Березина». Варшава, 1898.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839.

Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война. СПб., 1899.

Некрасова М. А., Земсков С. М. Отечественная война 1812 года и русское искусство. М., 1969.

Полководец Кутузов: Сб. ст./Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1955.

Пугачев В. В. Толстой об отступлении русской армии в 1812 году и историческая действительность // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. 1963. Т. 60. Вып. 5.

Роос Г. С Наполеоном в Россию. М., 1912.

Русский биографический словарь. Т. 23. СПб., 1905.

Сироткин В. Г. Война 1812 года в общих работах современных историков Франции. История СССР. 1966, № 6.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона в Россию. М., 1940.

Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.

1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987.

1812 год: Сб. ст. М., 1962.

Tysczkiewicz E. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847.

Faber du Faur C. W. Campaque du Russie. Paris, 1831.

Харкевич В. И. Березина. 1812. СПб., 1893.

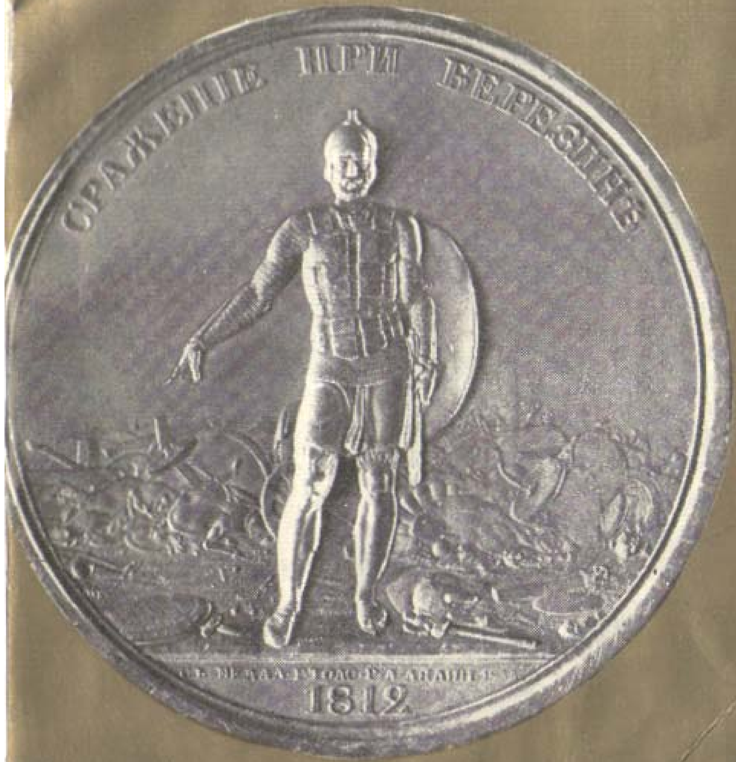
Чичагов П. В. Переправа через Березину. Русский архив. 1870. № 9.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке –
«У Березины 26 ноября 1812 г.»
Раскрашенная гравюра неизвестного художника.
1-я четверть XIX в.

Научно-популярное издание
МАЗИНГ ГЕОРГИЙ ЮРЬЕВИЧ
ЕРУСАЛИМЧИК ЛИЛИЯ ФЕДОРОВНА
БЕРЕЗИНА, ГОД 1812-Й

Заведующая редакцией Л. И. Круглова
Редактор Л. Л. Мальцева
Художественный редактор Л. И. Бетанов
Технический редактор Т. А. Тарасенко
Корректор Л. И. Жилинская

50 к.

1992009326